

20
ПРОСВЕЩЕНИЕ

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В. А. Дивин

ВЕЛИКИЙ
РУССКИЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ
А. И. ЧИРИКОВ



570683

2018

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В. А. ДИВИН

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
МОРЕПЛАВАТЕЛЬ
А. И. ЧИРИКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1949

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю очерк В. А. Дивина, посвященный замечательным делам выдающегося русского мореплавателя Алексея Ильича Чирикова, представляет значительный интерес. Это первая работа о Чирикове, если не считать газетных статей. О Чирикове писали в общих работах исследователи русских экспедиций на Тихом океане в дореволюционный период (В. Берх, А. Соколов) и в советское время (Л. С. Берг, А. И. Андреев и др.), но до сих пор не было не только капитального исследования о Чирикове, но и научно-популярного очерка, каким является настоящая работа.

А между тем Чириков настолько крупная историческая фигура, его заслуги так велики, что совершенно несправедливо и незаслуженно то если не забвение то полужабвение, которому предали его имя. Обычно пишут об экспедициях Беринга, лишь мимоходом упоминая о Чирикове. Но если уже в первой экспедиции 1725—1729 гг. Чириков играл выдающуюся роль, и именно ему принадлежит честь правильного решения научных задач, стоявших перед экспедицией, то во время Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. Чириков был ее научным руководителем. Именно он, и в этот раз также правильно, решил научные задачи экспедиции, а после смерти Беринга завершил все ее научные работы и фактически принял руководство ею.

В очерке В. А. Дивина воздается должная дань замечательному мореплавателю и ученому, прогрессивному человеку своего времени, горячо поддерживавшему своего друга Овцына, участника экспедиции, которого царские власти разжаловали из офицеров в матросы. Автор этой работы показывает, каким обаянием

пользовался в среде всех участников экспедиции Чириков в силу своих выдающихся моральных качеств. Знакомство с жизнью и делами Чирикова, с его служением Родине и с его замечательными научными открытиями имеет большое воспитательное значение и в наше время.

Опубликованные в 1930 г. проф. В. А. Кордтом документы устанавливают, что внутри самой Камчатской экспедиции орудовал матерый шпион французского правительства, парижский академик Жозеф Николя Делиль, прикомандированный к экспедиции в качестве «ученого консультанта». Делиль составил фантастическую карту, на которую нанес несуществующие земли на Тихом океане. Чириков с большой энергией боролся против Делиля, против его географической концепции. Он заботливо собирал сведения среди местного населения северо-восточной окраины Азии и использовал новейшие данные русской картографии и западноевропейской географической науки, опиравшейся, как мы теперь знаем, на сведения, добытые русскими учеными. Чириков проявил не только замечательное научное предвидение, но и здоровое политическое чутье, борясь против Жозефа Николя Делиля и его агента — родственника Делиля де ла Кройера, который, непосредственно участвуя в экспедиции, сумел сделать много для того, чтобы принести ей вред.

В. А. Дивин правильно оценивает огромное научное значение карты похода 1741 г., составленной Чириковым уже после смерти Беринга. Нам недавно удалось найти в Центральном Военно-историческом государственном архиве остававшиеся неизвестными до настоящего времени две карты, составленные под руководством Чирикова, как мы установили, в 1746 г. На одной из них имеется собственноручная подпись: «флота капитан Алексей Чириков». На этих картах подведены итоги всем русским географическим открытиям на Тихом океане, сделанным до 1746 г.

Если оценить тот вклад в науку, который был внесен Чириковым и его сотоварищами по Камчатской экспедиции, то его следует признать одним из инициаторов и виднейшим участником великих русских географических открытий XVIII века.

Сущность великих географических открытий, сделанных Колумбом, Васко да Гама и Магелланом, заклю-

чается в том, что был открыт новый континент и определены границы водных пространств нашей планеты. Колумб в 1492 г. начал открытие Америки; Васко да Гама, пользуясь помощью арабского лоцмана Ахмада ибн Маджида, открыл морской путь в Индию, а Магеллан, совершив кругосветное плавание, установил подвергавшийся до того времени сомнению факт о том, что континенты омываются огромным водным пространством.

Но если в основном соотношение материков и водных массивов было установлено, то это дело не было завершено. В 1605 г. голландцы открыли еще один континент — Австралию. Оставалось еще неизвестным, что представляет собою северо-восточная часть Азии и северо-западная часть Америки, на каком расстоянии находится Азия от Америки, каков океан, их разделяющий.

Русские мореходы, землепроходцы, картографы и географы обследовали и нанесли на карты огромные пространства Сибири. Дежнев и его спутники совершили в 1648 г. свой исторический поход кругом северо-восточной оконечности Азии. Они открыли и описали «Великий северный угол», легендарный мыс Табин, который со времени их похода стал известен как Чукотский полуостров; они прошли Анианским проливом; они достигли Камчатки, а возможно, что часть экспедиции основала поселение на Аляске. Во всяком случае около этого времени русские основали первое поселение на Аляске, на Кенайском полуострове. Русские открыли морской путь в Америку (Федоров и Гвоздев, Чириков и Беринг) и установили соотношение Азиатского и Американского материков, а также дошли до Японских островов и нанесли их на карты.

Русским принадлежит первенство в великих географических открытиях в Северном Ледовитом океане и в северной части Тихого океана; ими же было завершено исследование этого океана открытием Антарктиды в его южной части.

Среди замечательных русских мореплавателей и ученых пытливого исследователю, смелому настойчивому мореплавателю и преданному сыну своей Родины — Алексею Ильичу Чирикову по праву принадлежит одно из первых мест.

У нас наблюдается огромный и вполне законный интерес к истории Дальнего Востока и Советской Арктики. В очерке использованы и новые архивные документы и по-новому освещены уже опубликованные источники и данные научной литературы.

Данный очерк освещает одну из значительных и интересных страниц исследований далекого прошлого Дальнего Востока и Советской Арктики, которые теперь, в наши дни, развиваются под знаком великих успехов, достижений и побед социалистического строя, при поддержке всей Советской страны, по плану, начертанному великим Сталиным.

Член-корреспондент АН СССР
проф. А. В. Ефимов

10.II.1949 г.

В один из осенних дней 1721 г. в Санкт-Петербурге состоялись торжества по случаю победоносного окончания Великой Северной войны.

Сотни кораблей Балтийского флота, созданных крепостными крестьянами в условиях тяжелой и длительной войны со Швецией, построились в линию кильватерной колонны. Хвост этой колонны кончался у о. Котлина, а головные корабли находились на Неве. В составе флота были линейные корабли, фрегаты, шнявы, бригантины, галеры. На мачтах кораблей реяли вымпелы и андреевские флаги. Многократные артиллерийские залпы кораблей и крепостных батарей возвещали о победе русского оружия. Это был салют в честь выхода России на берега Балтийского моря, по которому в отдаленные времена жившие на берегах Балтики славяне совершали смелые плавания.

Корабли по очереди приветствовали проходившую мимо строя шняву, на которой развевался адмиральский флаг.

На корме шнявы стоял Петр I, а рядом с ним — его ближайший сподвижник генерал-адмирал Апраксин. Петр по праву мог гордиться добытой в боях боевой славой. Вековая борьба за возвращение Прибалтики завершилась полным торжеством. Россия прочно утвердилась на берегах Балтийского моря. Петр прорубил окно в Европу. Сокрушив могущество Швеции на море, Россия стала первостепенной морской державой.

Но, выполнив исторически важную задачу на северо-западе, Петр осуществил лишь часть своего замысла. В ходе войны, занятый руководством боевыми операциями армии и флота, Петр не переставал думать над разрешением других неотложных дел. Его особенно

интересовал вопрос, как далеко простираются земли России на Дальнем Востоке. Зная об ожесточенной борьбе между Англией и Францией за захват новых колоний, Петр не мог оставаться безразличным к безопасности дальневосточных земель. Его интересовали и многие научные проблемы, связанные с освоением просторов Сибири.

Иностранцы неоднократно предпринимали попытки проникнуть в Сибирь. При этом они прикрывались благовидными научными целями.

В 1716 г. во время пребывания Петра во Франции, французская Академия наук обратилась к русскому царю с просьбой разрешить французским ученым проехать в Сибирь. При этом указывалось, что экспедиция ставит своей целью определить расстояние между восточным побережьем Азии и западным побережьем Северной Америки и исследовать состав населения Америки, а также прилегающих к ней островов. «Великий и мудрый царь отказал им в этой просьбе, обещав, однако, что Россия сама своими средствами произведет это исследование, и им сообщает затем полученные таким путем интересующие их данные»¹, — писал современник.

Было решено послать экспедицию на Камчатку. Начальником экспедиции Петр назначил капитана 1-го ранга Беринга.

План организации исследования восточных земель Петр вынашивал в течение почти десяти лет, но приступить к его осуществлению он смог лишь в 1725 г. Незадолго до своей смерти Петр составил инструкцию, в которой изложил цель и задачи экспедиции. Основные задачи сводились к следующему:

1) «Надлежит на Камчатке или в другом месте там сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах возле земли, которая идет на юрд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтобы доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него какой оной кюст называют, и взять на письмо, и

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Пер. с немецкого Ю. И. Бронштейна, под ред. и с предисловием А. И. Андреева, Л., 1940, стр. 23.

самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость, и поставя на карту, приезжать сюды»¹.

Возлагая на экспедицию большие надежды, Петр в специальном указе предлагал сибирскому губернатору М. В. Долгорукому оказывать Берингу всякое содействие.

Из-за болезни Петр не смог лично заниматься подготовкой экспедиции. Поэтому все руководство по организации экспедиции взял на себя адмирал М. Ф. Апраксин. Петр вызвал к себе, как рассказывал военный конструктор А. К. Нартов, Апраксина и вручил ему инструкцию. При этом Петр сказал: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, т. е. о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенной путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах я слышал от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем ли мы в исследование такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно пытались обыскивать берегов американских»².

На основании рассказа Нартова многие исследователи делали вывод, что экспедиция Беринга преследовала чисто научные цели, т. е. стремилась выяснить вопрос, — сошлась ли Америка с Азией. Это мнение в течение многих лет удерживалось в исторической науке. Так ли это на самом деле?

В действительности Первая Камчатская экспедиция имела более широкие задачи. Петр давно стремился обеспечить безопасность дальневосточных границ России. Как известно, в XVIII в. англичане, французы прилагали огромные усилия к тому, чтобы колонизировать Северную Америку. Появление на Аляске французов или англичан создало бы угрозу русским владениям на Дальнем Востоке. Петр великолепно понимал это и поэтому в своей беседе с Апраксиным подчеркивал:

¹ Донесение флота капитана Беринга об его экспедиции к восточным берегам Сибири. Записки Военно-топогр. депо, ч. X, 1847, стр. 69.

² Ф. Веселáго, Очерки русской морской истории, ч. 1, СПб., 1875, стр. 631—632.

«Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусство и науки».

Петр также заботился об установлении тесных торговых и экономических связей со странами Востока.

Война со Швецией потребовала больших материальных затрат. Для проведения экономических, военных и прочих реформ требовалось много золота, запасы которого были незначительны. Не случайно Петр I поручил тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому поспешить с открытием новых земель. Категорически запрещалось и взимать ясак деньгами взамен «мягкой рухляди».

«Вследствие того, что было невозможно получать, — как отмечает член-корреспондент Академии наук СССР А. В. Ефимов, — пушнину в прежнем количестве из уже освоенных районов Сибири, ставился вопрос о «проведении» и приобретении новых земель и островов»¹.

Начальником экспедиции, как выше сказано, Петр назначил капитана 1-го ранга Витуса Беринга.

Беринг родился в 1681 г. в Дании, в городе Хорсенсе. Отец его Ионс Свендсен в течение нескольких лет был церковным старостой местной приходской церкви. Фамилию Витус унаследовал от матери, Анны Беринг, происходившей из знатного рода. С детских лет Витус Беринг мечтал о дальних путешествиях. Совсем еще молодым человеком ему удалось в качестве матроса совершить плавание на голландском корабле в Ост-Индию, откуда он возвратился в Амстердам в 1703 г.

Во время плавания в Ост-Индию Беринг окончательно решил стать моряком. Он видел только экзотику незнакомых стран, всегда столь интересных для чужеземца, а трудности дальнего плавания представлялись ему только с самой привлекательной стороны.

В Амстердаме в то время находился вице-адмирал Крюйс, посланный Петром в Голландию для вербовки иностранцев на русскую службу. Встретив Беринга, Крюйс предложил ему поехать в Россию, и Беринг с готовностью принял это предложение. В 1704 г. он прибыл в С.-Петербург и в том же году был принят на русскую службу.

¹ А. В. Ефимов, Из истории русских экспедиций на Тихом океане (первая половина XVIII в.). М., Воениздат, 1948, стр. 27.

В 1705 г. Беринг командовал шхуною, на которой к о. Котлин перевозился строевой лес. На этом небольшом острове Петр для защиты Петербурга с моря построил крепость, «фортецию», которая получила наименование Кроншлот. Вместе с укреплениями (батареями) эта крепость преграждала шведскому флоту путь к Петербургу.

В 1706 г. Беринг был произведен в лейтенанты, а через четыре года он получил чин капитан-поручика.

В 1710 г. Беринг уже командовал дозорным кораблем, который плавал у южного побережья Финского залива, наблюдая за движением шведского флота в этом районе.

Во время Прутского похода Петра Беринг командовал двадцатипушечной шнявой, а после окончания этого похода, в 1712 г., был переведен в Балтийский флот.

В последующие годы Беринг командовал различными кораблями, участвовал в морских походах Петра и в сражениях Балтийского флота со шведским. Все свои обязанности он исполнял добросовестно, но смелостью и решительностью не отличался.

В 1717 г. Беринг был произведен в чин капитана 3-го ранга, а через три года получил чин капитана 2-го ранга. В 1721 г. он командовал шестидесятипушечным кораблем «Марльбург», а два года спустя его назначили командиром девяностопушечного корабля «Лесное», находившимся в составе эскадры Апраксина.

Из приведенных кратких биографических данных видно, что Беринг, приехавший в Россию еще молодым и недостаточно опытным моряком, затем формировался как морской офицер под непосредственным руководством Петра или его помощников.

По окончании Северной войны многие офицеры были произведены в более высокие чины, но Беринга не повысили и он, считая, что с ним поступили несправедливо, 26 февраля 1724 г. подал в Адмиралтейств-коллегию прошение об отставке. В постановлении Адмиралтейств-коллегии говорилось: «Морского флота капитанов Виллима Гея, Матиса Фалькенберха и Витуса Беринга, по прошениям их и учиненным экстрактам из службы их величества отпустить во отечество их, и дать им от Адмиралтейств-коллегии пашпорты и заслуженное жалование по день отпуска, а также и на прогоны на дорогу».

10 марта 1724 г. Беринг получил паспорт в Данию, но, повидимому, что-то задержало его в Петербурге.

В августе того же года о Беринге вспомнил Петр I и приказал генерал-адмиралу и Адмиралтейств-коллегии президенту Апраксину: «Беринга принять в службу его императорского величества в морской флот по прежнему в первый ранг капитаном». В результате этого приказа капитан 1-го ранга Витус Беринг опять был назначен командующим шестидесятипушечным кораблем «Марльбург».

Такова вкратце биография Беринга¹ до назначения его начальником Первой Камчатской экспедиции.

Обдумывая, кого бы назначить на пост руководителя Камчатской экспедиции, Петр остановил свой выбор на Витусе Беринге, учитывая его опыт в мореплавании и то, что Беринг, как отмечала в своем постановлении Адмиралтейств-коллегия, «в Ост-Индии был и обхождения знает».

Беринг отличался излишней осторожностью, что, конечно, могло иметь только отрицательное влияние на такую серьезную экспедицию. Кроме того, к «научным вопросам, — как отмечает академик Л. С. Берг, — он не выказывал никакого интереса»².

Помощниками Беринга были назначены А. И. Чириков и М. Шпанберг.

Алексей Ильич Чириков происходил из дворянского рода. В своем рапорте Адмиралтейств-коллегии от октября 1742 г. он писал: «за долговременною бытностью моею в экспедиции дом и деревни, которые имею, хоть небольшие, без призрения разоряются»³.

Он был слабого телосложения и, по собственным его словам, «от природы не крепок». Но сколько в этом тщедушном человеке было энергии и выносливости! Движимый стремлением содействовать возвышению России и послужить прославлению своего народа, он не щадил ни сил, ни здоровья.

Он не только сам терпеливо выносил тяготы путешествия, но и умел в трудную минуту поддержать других и оживить своей душевной бодростью.

¹ Общий морской список, ч. 1, СПб., 1885, стр. 40—41.

² Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. Изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1940, стр. 84.

³ Экспедиция Беринга, стр. 296.

Алексей Ильич родился в 1703 г.¹ Его отец служил в Киевской губернии комендантом, но в Московской губернии имел 20 крестьянских дворов. Мальчик Алеша жил в Москве за Пречистенскими воротами «в приходе у церкви Покрова Богородицы у дяди своего родного у Ивана Родивонова, сына Чирикова». В семье своего дяди он, повидимому, получил первоначальное воспитание.

В 1715 г. двенадцатилетнего мальчика Алешу определили в «Математическо-навигацкую» школу в Москве. В это время в школе преподавал видный русский математик Леонтий Филиппович Магницкий. Составленный им учебник «Арифметика, сиречь наука числительная» представлял собой универсальный труд, который включал основы алгебры и геометрии, астрономии и навигации. К учебнику были приложены математические и астрономические таблицы.

Леонтий Филиппович знал свой народ, его способности и сделал все, чтобы его соотечественники овладевали существовавшими в то время сведениями по различным областям знания и продолжали обогащать отечественную науку. Это свое стремление он выразил в одном стихотворении, опубликованном в учебнике:

«Зане разум весь собрал и чин
природной русский, а не немчин»

Арифметика Магницкого была основным пособием по математическим наукам воспитанников «Математическо-навигацкой» школы, а затем Морской академии. По ней учились несколько поколений русских моряков.

Многие англичане, преподававшие в русских морских учебных заведениях, к своим служебным делам относились недобросовестно. Они не стремились к тому, чтобы русские люди овладевали знаниями. Один из современников, описывая быт морских учебных заведений, отмечал: «англичане учат их той науки (математике.—В. Д.) чиновно, а когда временем загуляют или, по своему обыкновению, но часту и долго просят...» тогда в классах появляется Магницкий, «который непрестанно при той

¹ До сих пор не был известен год рождения А. И. Чирикова. Только в 1949 г. члену-корреспонденту АН СССР А. В. Ефимову удалось найти документы, которые он любезно предоставил нам для использования. Из этих документов видно, что Чириков родился именно в 1703 году.

школе бывает, и всегда имеет тщание нетолько к единому ученикам в науке радению, но и к иным к добру поведением»¹.

После окончания школы ее воспитанники отправлялись на корабли для практического плавания.

В 1716 г. Чирикова переводят в Морскую академию.

Эта Академия была создана в С.-Петербурге в 1715 г. Создание Академии было вызвано быстрым ростом флота, для укомплектования которого требовалось много офицеров, кораблестроителей, навигаторов. Задача подготовки национальных кадров для флота была возложена на Академию. Петр возлагал на нее большие надежды. Основной контингент ее составили 20 лучших учеников, «Математическо-навигацкую» школу которых перевели из Москвы в новую столицу. В их числе находился и А. И. Чириков.

Царский указ от 20 декабря 1715 г. предписывал: «Которые есть в России знатных особ дети, тех всех от 10 лет и выше высылать в школу С.-Петербургскую а в чужие края не посылать нынешнюю зимою»². Этой школой и была Морская академия.

В Академии преподавались следующие дисциплины: арифметика, геометрия с алгеброй, тригонометрия плоская, навигация плоская, навигация меркаторская, навигация круглая, диурная (ведение шханечного и навигационного журнала), астрономия, география, геодезия, артиллерия, фортификация, черчение, толкование корабельного гола (кораблеведение и корабельная архитектура), такелажные работы, рапирная наука, экзерциции с мушкетами, политика, геральдика, гражданская архитектура, гражданские законы и другие «шляхетские науки», а также семь иностранных языков (вероятно, по выбору): английский, французский, немецкий, шведский, датский, итальянский и латинский.

Особое внимание уделялось подготовке будущих офицеров по вопросам навигации и кораблевождения.

В основу учебных программ было положено требование Петра, которое он четко сформулировал еще в 1710 г.: «Учиться навигации зимою, а летом ходить на море на

¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен. 3, стр. 1345—1346.

² Петербург петровского времени. Очерки под редакцией А. В. Предтеченского, Л., 1948, стр. 97.

воинских кораблях и обучаться чтоб возможно было оным потом морскими офицерами быть»¹.

Большое значение придавалось практическому обучению в Морской академии. Во главе гардемарин, находившихся в практическом плавании, стоял русский морской офицер. Все гардемарины должны были некоторое время отслужить простыми солдатами или матросами. В инструкции говорилось, что гардемарины «должны служить как солдаты и нести то же бремя без всякой отмены». Согласно расписанию гардемарины ежедневно занимались по четыре часа. В первый час они занимались кораблевождением под руководством штурмана, второй час теорией и практикой артиллерийской стрельбы; в третий час они под руководством боцмана упражнялись в постановке парусов и их управлении. Последний час отводился занятиям по стрельбе из мушкета.

Кроме этого все гардемарины независимо от успехов в науках должны были под руководством боцмана по очереди участвовать в такелажных работах. Они должны были сами выполнять обязанности простого рабочего — «работать своими руками и обучаться прямой работою, дабы всякий знал оную, и мог указать во время нужды» что делать. Таким образом, гардемарины получали серьезную практическую подготовку по всем вопросам морского дела.

Гардемарины производили тоже астрономические наблюдения и вели вахтенный журнал. После окончания курса практического плавания гардемарины возвращались в Академию для теоретического обучения. При этом треть гардемарин по очереди проходила практику на о. Котлине, где они принимали участие в ремонте судов.

Но самым существенным в системе подготовки командных кадров для молодого русского флота было то, что офицеров воспитывали в духе активности, решительности, инициативы, сознания воинского долга и чувства ответственности перед отчизной. В отличие от системы воспитания во флотах западноевропейских государств, целью которой была подготовка офицеров в духе педантичного выполнения правил, инструкций, уставов, Петр требовал отличать дух закона от его буквы.

¹ Материалы для истории русского флота, ч. III, отд. II, № 312.

Он завещал потомству: «не держаться устава, яко слепой стены», но твердо уяснить себе, что в уставах «порядки писаны, а времен и случаев нет». Эти заветы Петра и послужили А. И. Чирикову руководящим принципом в его практической деятельности.

Сочетание теоретического обучения с практическими занятиями обеспечивало подготовку всесторонне образованных офицеров, прекрасно овладевших всеми доступными в то время знаниями. Офицеры, окончившие Морскую академию, по уровню своей теоретической и практической подготовки стояли выше иностранцев, находившихся на русской службе. Это превосходство русские морские офицеры показали не только во время Северной экспедиции, но и в период первой и второй архипелагских экспедиций и во многих других походах и путешествиях.

Петр много внимания уделял деятельности Морской академии и, несмотря на свою занятость, часто посещал ее.

Во время своего пребывания в Академии Чириков с исключительным усердием и прилежанием изучал математику, астрономию, навигацию, кораблестроительное дело. Отличаясь незаурядными способностями и пытливым умом, он преуспевал во всех науках. Особенно увлекался он географией, раскрывавшей ему интереснейшую картину жизни в самых отдаленных уголках нашей планеты. Однажды, рассматривая глобус вместе со своим другом Нагаевым, Чириков сказал: «Неужели человечество бессильно узнать, что находится там, где теперь на глобусе белые пятна».

И молодые моряки дали друг другу слово посвятить свою жизнь тому, чтобы открыть тайну оставшихся белых пятен.

В этом решении немалую роль сыграли рассказы, которые они еще в детстве слышали о походах и подвигах Дежнева, Пояркова, Хабарова, Атласова и многих других русских путешественников и мореплавателей. Благодаря подвигам этих отважных людей, русские уже в XVII в. вышли к берегам Тихого океана, а географическая наука обогатилась новыми сведениями о земном шаре. Чириков и Нагаев хотели также беззаветно служить своей родине. И мечты их осуществились. Оба они со временем стали мореплавателями и учеными и обога-

тили своими исследованиями не только отечественную, но и мировую науку.

В 1721 г. Чириков успешно окончил Морскую академию и через чин мичмана был произведен в унтер-лейтенанты. В следующем году он был назначен в Балтийский флот. Началась новая для него жизнь. Плавание на кораблях расширяло его знания в области астрономии, артиллерии, навигации и других военно-морских наук. Он старался вникать во все стороны военно-морского дела. Ему хотелось все знать и все уметь. Он хорошо представлял себе, что морская служба требует от моряков не только больших знаний, но и многогранного практического опыта. Чириков не уклонялся от самой тяжелой работы. Он управлял парусами, стоял у штурвала в штормовую погоду, заделывал пробоины, прокладывал курс, а также вел корабельный журнал, куда записывал все замеченное. Это развивало в нем наблюдательность. Ничто, достойное внимания, не ускользало от него. Во флоте его знали как лучшего офицера.

В 1722 г. 11 сентября Адмиралтейств-коллегия приказала шаутбейнахту Сандерсу «для обучения гардемаринов искусных офицеров, а именно: навигации унтер-лейтенанта Алексея Чирикова, артиллерии подконстапеля Тютчева прислать (в Адмиралтейств-коллегию) немедленно».

Когда Чириков прибыл в Академию, он был подвергнут экзамену. Алексей Ильич обнаружил глубокие познания по различным областям знаний и был признан достойным для работы в Академии в качестве преподавателя навигации.

В октябре 1722 г. началась весьма плодотворная преподавательская деятельность Алексея Ильича.

Он был еще молод летами, но достаточно подготовлен в различных науках и опытен в мореходном деле. В своих учениках он воспитывал любовь к морской службе, говорил им, что россияне всегда были отличными мореплавателями.

Он часто рассказывал им о замечательных победах молодого русского флота над шведами у Гангута, Гренгама и Эзеля, о походах Хабарова, Дежнева, Пояркова, Атласова. Подвиги этих мужественных людей, воспетые в народных преданиях, возбуждали у слушателей желание стать исследователями.

Чириков не терпел нерадивых людей: гардемаринов он воспитывал в духе требований морского устава, «дабы всякий знал свою должность и неведением никто-б не отговаривался».

В Академии Чириков зарекомендовал себя талантливым преподавателем, хорошо знающим свое дело.

В конце года в помощь Чирикову был назначен мичман А. И. Нагаев.

Петр оказывал постоянное внимание Академии, считая, что она должна готовить морских офицеров из природных россиян. Ему были известны не только профессора и преподаватели Академии, но и многие гардемарины.

Он был доволен успехами молодых офицеров Чирикова и Нагаева. Их прилежание к наукам и успехи радовали его. Вот почему Петр одобрил предложение адмирала Сиверса и Н. Сенявина послать Чирикова в Северную экспедицию.

Одновременно с назначением в экспедицию, Чирикова, опять-таки через чин, произвели в лейтенанты. В решении Адмиралтейств-коллегии по этому поводу говорится следующее:

«По выписке из конторы генерал-кригс-комиссара, унтер-лейтенанта Алексея Чирикова, хотя еще до него очереди не пришло, записать ныне в лейтенанты... О вышенаписанном Чирикове шаутбейнахт Сандерс объявил, что по обучению гардемаринов и морских офицеров искуснее всех явился оный Чириков. А гвардии капитан Козинский показал, что гардемарин 142 чело- века разные науки обучал чрез оногo Чирикова»¹.

Однако преподавание в Академии было лишь началом славного жизненного пути Алексея Ильича. Его имя дошло до наших дней благодаря участию в камчатских экспедициях, в которых его незаурядные способности исследователя нашли себе достойное применение, и где он с особой пользой смог послужить своей великой родине.

Другим помощником Беринга был датчанин Мартын Шпанберг. Неизвестно, когда и по какому поводу он прибыл в Россию, но имеются достоверные сведения, что 1 ноября 1720 г. он был принят на русскую службу

¹ В. Берх, Первое морское путешествие россиян, СПб., 1823, стр. 22.

лейтенантом. Шпанберг был опытным офицером, но отличался большой грубостью с подчиненными и жестокостью. Русским языком Шпанберг владел плохо. «Шпанберг русского письма читать не очень доволен и в письмах его видим весьма нужные слова не в надлежащую силу и неправо написаны», — отмечал Чириков в одном из своих рапортов¹.

На Востоке у Шпанберга проявились наклонности типичного колонизатора. Его жажда к обогащению была неутолима. Во время пребывания на Камчатке он нещадно грабил местных жителей. «Молва о нем, — писал А. Соколов, — разнеслась по всей Сибири и долго хранилась в народной памяти. Напуганные его самовольством и дерзостью сибиряки видели в нем: некоторые — «генерала», другие — «беглого каторжника», всегда сопровождаемого огромной собакой, которую, говорили, при случае он травил оскорбляющих его».

Значительную роль в Первой Камчатской экспедиции сыграл мичман Петр Чаплин. Это был молодой трудолюбивый и образованный моряк. Благодаря журналу, в котором он ежедневно записывал все свои наблюдения, удалось восстановить многие события в Первой Камчатской экспедиции.

Таковы были люди, возглавлявшие экспедицию. Команда, выделенная Берингу, включала плотников, матросов и солдат и состояла всего из 33 человек.

* *
*

Из Петербурга экспедиция выехала 5 февраля 1725 г. и направилась в Тобольск, куда прибыла 16 марта. В течение двухмесячного пребывания в Тобольске заготавливались канаты, пенька, лес и набирались мастеровые. Беринг о своем прибытии в Тобольск послал в С.-Петербург лаконичское донесение: «Марта 16 дня прибыли в Тобольск и были мая до 15 дня, понеже зимним путем далее ехать было время поздно, а в бытность в Тобольске требовал, что надлежит материалов по экспедиции»².

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. № 52, л. 248/об.

² Донесение Беринга, Записки Военно-топогр. депо, ч. X, 1847, стр. 70.

Тобольск в то время был небольшим сибирским городком; в 1740 г. в нем насчитывалось не более 3 000 домов, из них всего 7 каменных.

Почти треть населения (2 069 человек из 6 663) занималась торговлей. Историк Сибири П. Словцов дал яркое описание Тобольска. Этот город «представлял приятную картину белеющимися зубчатыми стенами и башнями, раззолоченными маковицами и крестами 15 церквей и колоколен не все тогда каменных. Цитадель окружалась со всех сторон утесами, с севера каменной стеною. Вся нагорная половина города как большая крепость ограждалась с севера и востока валом, бастионами, рвом и палисадом, а с прочих сторон крутыми утесами наносного происхождения. Сибирская губернская канцелярия, дом губернаторский, палата под крепостными воротами шведского мастерства, дом архиерейский со службами, гостиный двор — вот каменные здания того времени».

Словцов дал также интересную характеристику сибирскому населению.

Наступала весна. Иртыш стал наполняться потоками вешних вод. Многоводные сибирские реки вышли из берегов, затопили часть суши. Мореплаватели стали поспешно собираться в путь. В несколько дней было построено четыре дощаника и семь лодок. На эти суда моряки погрузили весь свой скарб. Наконец все было готово. 15 мая путешественники тронулись в путь. Провожать их высыпало все население города.

В донесении Адмиралтейств-коллегии Беринг писал: «Мая 15 дня отправились из Тобольска водой вниз по реке Иртышу до Самаровского яму на 4-х барках, а оные по-сибирски называются дощенники, на которые погрузили все материалы, привезенные из С.-Петербурга и которые приняты при Тобольску, да от Тобольску дано мне по требованию моему иеромонах, комиссар, да ундер-офицеров и солдат 34 человек»¹.

Итти пришлось под парусами и на веслах. Во время всего плавания по Иртышу и другим рекам велось морское счисление². Чириков в своем журнале записал, что

¹ Донесение Беринга, Записки Военно-топограф. дело, ч. X, стр. 70.

² При помощи морских навигационных и астрономических инструментов Чириков определял координаты городов и сел по пути следования и наносил их на карту.

«оное чиниться для проверки меркаторской карты и узнания верно ли она сочинена»¹.

21 мая подошли к Самаровскому яму и стали к берегу.

Из Самаровского яма Беринг направил 10 человек во главе с мичманом Чаплиным в Якутск, поручив Чаплину тщательно записывать все примечательное.

«Получил я инструкцию от господина капитана, по которой велено мне следовать до Якутска, и 7 указов, а именно в Маковский острог, в Енисейск, в Иркутск, в Верхоянск, в Илимск, в Якутск 2 указа с печатями»².

19 июля 1725 г. флотилия достигла Маковского острога, оказавшись от Москвы на расстоянии 2 672 верст. Отсюда моряки по суше добрались до Енисейска, где для них были подготовлены дощаники. 12 августа экспедиция налегке отправилась вверх по Енисею к Тунгуске и 29 сентября благополучно прибыла в Илимск. Груз и материалы были доставлены лишь в ноябре, поэтому в Илимске пришлось зимовать. К весне там было построено 16 судов и 14 лодок, и с наступлением теплых дней экспедиция на судах двинулась по Лене в Якутск. 1 июня 1726 г. сюда прибыли на девяти судах Беринг и Шпанберг, а 16 числа в Якутск прибыл и А. И. Чириков.

Перед путешественниками стояли еще большие трудности. Необходимо было сухим путем идти в Охотск, который отделяется от Якутска расстоянием свыше 1 000 верст. Дороги в то время, конечно, еще не были проложены.

Провизию пришлось отправлять на лошадях. В конце июля и начале августа ударили сильные морозы. Многие лошади пали из-за недостатка корма. Только небольшая часть каравана во главе с Берингом добралась в октябре до Охотска.

Чириков был оставлен в Якутске, чтобы руководить отправкой груза в Охотск.

За время пребывания в Якутске Чириков сделал ряд ценных наблюдений о городе и его населении. В своем журнале он отметил, что в Якутске 300 русских дворов. Он также указал, что 30 000 якутов кочуют в окрестностях этого сибирского города.

¹ В. Берх, Первое морское путешествие россиян, СПб., 1823, стр. 8.

² Там же.

Лето в том году выдалось жаркое и засушливое. Часты были случаи лесных пожаров. Над городом постоянно стояли облака дыма. Алексей Ильич подметил также, что в Якутии выпадает очень мало осадков, частые засухи причиняют большой вред населению. «И до того травы мало растет, кроме тех мест, где река поднимала. Также и снегов мало идет, а морозы стоят жестокие». Но он не только бесстрастно записывает свои наблюдения, но стремится дать научное объяснение явлениям: «И причина малобывающих дождей и снегов требует рассуждения: широта Якутска по наблюдению $62^{\circ}08'$...». Сделанные Чириковым наблюдения в условиях, когда Сибирь еще не была изучена, имели не только научное, но и большое практическое значение. Во время пребывания Чирикова в Якутске, в городе началась эпидемия кори, охватившая как детей, так и взрослое население города. До этого корь не появлялась в этих местах в течение сорока лет.

Из Якутска пушки, канаты, якоря, паруса, а также часть провианта были отправлены по Лене, Алдану, Мае, Юдоме. 8 июля 13 судов с командой в 264 человека под начальством лейтенанта Шпанберга вышли из Якутска. Недалеко от Юдомского креста этому отряду пришлось остановиться из-за наступления сильных морозов. Команде Шпанберга пришлось перенести большие лишения. Для перевозки грузов лейтенант приказал своим людям впрягаться в нарты и самим тащить грузы до Юдомского креста. Из 100 нарт, отправленных в Юдомский крест, места назначения достигла лишь половина. От голода, холода и изнурительной работы люди умирали; многие умирали, не выдержав жестокости Шпанберга.

Наконец, отряд достиг Охотска. Охотский острог считывал в то время 10—11 дворов. Поэтому нужно было срочно строить жилые помещения, склады для провианта и строительных материалов. Работать пришлось в невероятно тяжелых условиях. Из-за отсутствия лошадей все грузы приходилось таскать на себе. Кроме того, необходимо было заботиться о заготовке продовольствия. Нужно было заниматься ловлей рыбы, добывать соль, солить мясо.

Строительный материал, который с большим трудом везли, оказался разбросанным на расстоянии 450 верст

от устья р. Юдомы до Юдомского креста. В феврале 1726 г. Беринг поручил доставить этот материал измученным и голодным, плохо одетым людям. Команда начала роптать на Беринга.

«Капитан посылает нас, босых, без жалованья, на верную смерть; и это в его воле. Идем, и ежели сможем, подыдем казну, а не в помь — и не тронем». Беринг, отвечая на жалобы подчиненных, говорил: «жалованье им следует получить из Якутска, а не от меня. Мне самому тошнее их: в дороге пало 500 лошадей и не вем как буду отвечать, а вы хоть все пропадите — пособить нечем»¹.

Всею доставкой материалов руководил Шпанберг, который с невероятной жестокостью обращался с людьми, обслуживающими экспедицию. Его подчиненные гибли от изнурительной работы, плохого питания и нечеловеческого обращения. Нередки были случаи, когда возмущенные люди отказывались работать и большими группами возвращались в Якутск. Лишь в феврале 1727 г. Шпанберг вернулся на Юдому. Чириков помог ему доставить припасы в Охотск, где была немедленно начата постройка судна, получившего название «Фортуна».

1 июля 1727 г. «Фортуна» под командой Шпанберга вышла в море, чтобы доставить плотников и запасы продовольствия в Большерецк. На «Фортуне» находилось также 13 купцов с Енисея и Иркутска, которые ехали на Камчатку по коммерческим делам. 3 июля в Охотск прибыл Чириков, который доставил туда 2 300 пудов муки. Задание Беринга он выполнил.

Лейтенант Шпанберг 11 августа возвратился в Охотск, а через 10 дней Беринг вместе со Шпанбергом на «Фортуне» вновь отправился в Большерецк. Чириков добирался туда самостоятельно на небольшой ладье. Вместе с Алексеем Ильичом отправился Чаплин. Возникает вопрос, почему Беринг решил остановиться на западном берегу Камчатки, в то время как ему нужно было бы обосноваться на восточной его стороне?

Оказывается, Беринг опасался, что «Фортуна» окажется неспособной выдержать осенние штормы, и поэтому отказался от мысли идти вокруг Камчатского носа. Вот что Беринг писал по этому поводу президенту

¹ А. Полонский. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—1729 гг. Зап. Гидрогр. департамента, ч. VIII, 1850, стр. 543.

Адмиралтейств-коллегии Апраксину: «Весьма желали идти кругом Камчатского носа, но для осеннего времени и за жестокими ветрами, на таком карбусе идти не посмел, чтоб не случилось какого либо несчастья и не учинилось в той экспедиции великого препятствия»¹.

Теперь предстояло весь груз переправить из Большерецка в Нижнекамчатск. Расстояние между этими пунктами составляло 883 версты.

Первоначально предполагали использовать рр. Быструю и Камчатку. Но вскоре пришлось отказаться от этого плана ввиду того, что сильное течение реки Быстрой представляло значительную опасность. Эта река недаром получила свое название.

Основная часть груза была перевезена на собаках и часть его переброшена по Камчатке. В январе 1728 г. в Нижнекамчатск на собаках прибыл Беринг. В своем донесении он рассказал, с каким трудом добирался до этого места. По его словам, он ехал «совсем по тамошнему обычаю на собаках, и каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снега, а сверху покрывали, понеже живут великие мятелицы»².

В апреле был заложен еще один бот (длина 60 футов, ширина 20, глубина 7,5). Бот был спущен на воду 8 июня 1728 г. и назван «Св. Гавриил». Не имея возможности построить второй бот, Беринг решил перевести из Большерецка «Фортуна» и использовать ее для целей экспедиции.

6 июля «Фортуна» под командой морехода Мошкова прибыла в Нижнекамчатск.

В Нижнекамчатске, как и в Охотске, моряки сами заготавливали продовольствие, ловили рыбу, покупали оленей, вываривали соль, перегоняли вино, используя для этой цели сладкую траву (Hegecleum), варили смолу. Все работали много и очень напряженно. Личный состав корабля состоял из 44 человек.

* * *

*

13 июля «Гавриил» поставил все паруса и вышел в море, для выяснения великой географической загадки — соединяется ли Азия с Америкой.

¹ А. Полонский, Первая Камчатская экспедиция, Зап. гидрограф, департамента, ч. VIII, 1850, стр. 545.

² Там же, стр. 546.

Здесь следует сказать, что вопрос о том — соединяется ли Азия с Америкой, — был решен русскими еще в 1648 г., когда С. Дежнев совершил героическое плавание от Колымы, обогнув Чукотский полуостров, до р. Анадырь. Но материалы о его плавании были затеряны и великое открытие забыто. И лишь через несколько лет после плавания Беринга и Чирикова историк Миллеру, участнику Второй Камчатской экспедиции, удалось найти дневники и записки С. Дежнева, — и факт открытия пролива между Азией и Америкой еще в середине 17 в. стал известен.

Таким образом, экспедиции Беринга и Чирикова, как будет видно ниже, прошедшей проливом, отделяющим Азию от Америки, принадлежит вторичное открытие этого пролива.

Стояла хорошая погода.

27 июля «Гавриил» миновал мыс Св. Фаддея. Все, что наблюдали моряки во время плавания, записывалось в корабельный журнал. Производились зарисовки гор, мысов, растительности и проч. В корабельном журнале содержатся сведения о животном мире: «Близлежащие берега должны быть очень высоки, ибо мы видели их в большом отдалении. При мысе сем встречали мы множество китов, сивучей, моржей и разных птиц. Пользуясь тихой погодой, наловили мы здесь довольно вкусной рыбы, роду лососей. Глубина моря была здесь 65 и 75 сажен» — отмечено в журнале.

29 июля мореплаватели прошли устье р. Анадырь. На следующий день «Гавриил» бросил якорь. Было решено искать пресную воду, но пополнить ее запасы удалось лишь 1 августа в бухте, названной бухтой Св. Креста. 6 августа «Св. Гавриил» вошел в бухту, получившую название Преображения. Пополнив запасы пресной воды, 8 августа «Св. Гавриил» двинулся дальше и подошел к новой бухте у Чукотского носа, находящейся на широте 64°30'. Здесь уже появились чукчи, которые рассказали, что «земля их делает две губы и обращается к устью Колымы, а всюду прилегло море и великие отмели и на море, в которое впала река Колыма, всегда носит льды, о чем и от русских людей довольно верно сведано; а в соседстве у нас, кроме нашего чукотского, народа не имеется, только де слышим от родников, которые ходят на реку Колыму, что там живут

русские люди, а морем, до устья Колымского мы не хаживали, а чрез землю рѣдники наши на оленях часто ходят, для того что гораздо ближе; на море де знаем один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем».

9—11 августа со «Св. Гавриила», обходившего Чукотский нос, был замечен остров, о котором рассказывали чукчи. Этот остров получил название острова «Св. Лаврентия». Отсюда был взят курс на северо-восток. 13 августа, ровно через месяц после выхода из Камчатки, моряки находились в широте $65^{\circ}30'$. Возник вопрос, как поступить в дальнейшем — продолжать ли плавание, или вернуться на Камчатку. Беринг созвал совет офицеров. Беринг считал, что дальнейшее плавание бесполезно и опасно ввиду осеннего времени и возможности оказаться затертыми льдами.

Разгорелись оживленные споры. Шпанберг, поддерживавший Беринга, говорил: «Понеже мы прошли в вышеозначенную широту и на Чукотской земле нет гавани, дров для отопления, где мы можем охранять себя в тепле зимнее время, какова случится в здешней параллели; також и люди не мирные и не сведомились, сколько мы до сих пор мест обсервовали (?) и кой ратерат не ведаем (?), рассуждаю, когда мы еще пойдем нашего пути до шестнадцатого дня нынешнего месяца к северу, ежели не возможем дойти до 66° (67°). Мы тогда, в божие имя, возвратимся во время искать гавань и охранения в реке Камчатке, откуда мы вышли, для охранения судна и людей».

Алексей Ильич Чириков высказался за продолжение плавания, поскольку не удалось выяснить, соединяется ли Америка с Азией, а это была основная задача, поставленная перед экспедицией. Обосновывая свое предложение, Чириков категорически утверждал: «Понеже известия не имеется до которого градуса ширины из Северного моря, подле восточного берега Азии, от знаемых народов Европейским жителям бывали, и по оному не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до р. Колымы или до льдов — понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды — того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему благородию указа, подле земли идти, ежели не воспрепятствуют льды, или не отыдет берег на запад,

к устью р. Колымы, до мест показанных в означенном е. и. в. указе; а ежели земля будет наклоняться еще к N, то надлежит, по двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать мест, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукотского носа на земле, на которой, по полученной сказке на Чукоц, чрез Петра Татарина, имеется лес. А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани»¹.

Желая опровергнуть Чирикова, который высказался за продолжение плавания, Беринг говорил: «Ежели больше будем мешкать в северных краях, опасно, чтобы в такие темные ночи и в тумане, не придти к такому берегу, от которого не можно будет, для противных ветров, отойти, и рассуждая об обстоятельствах судна, понеже швер и плей-ваглен изломлены, также трудно нам искать в здешних краях таких мест, где зимовать, понеже много земли кроме Чукоцкой не известно, на которой народ не мирной, а лесу нет. А по моему мнению, лучше возвратиться назад и искать гавани на Камчатке, к прозимованию».

Беринг, который прежде всего думал о том, чтобы не нарушить данные ему инструкции и не вызвать гнева Адмиралтейств-коллегии, отклонил советы смелого и талантливому Чирикова.

Он отказался идти к устью Колымы, как предлагал Чириков, хотя по состоянию льдов возможность имелась и уже к 25 августа могли бы достигнуть устья реки. Только при этом условии можно было удостовериться, что Азия и Америка не соединяются. Но Беринг не поддержал Чирикова.

14 августа мореплаватели, продолжая плавание, достигли 66°41', а 16 августа остановились на 67°18' с. ш. и 193°7' в. д. Отсюда Беринг решил повернуть обратно на Камчатку. О мотивах своего решения он доносил в Петербург: «Рассуждали, что по всему видимому, и по инструкции блаженные и вечнодостоинныя памяти е. и. в. исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился. А ежелиб еще идти далее

¹ А. Полонский, Первая Камчатская экспедиция Беринга, Зап. Гидрограф. деп., ч. VIII, стр. 550—551.

и случилось бы противны ветры, то не можно как того лета возвратиться до Камчатки, а на тамошней земле зимовать быlob не без причин, понеже лесу никакого не имеется, а тамошний народ не под державою Российского государства самовластен и союза с нашими ясашными иноземцами не имеют»¹.

На обратном пути был открыт остров Св. Диомида (впоследствии было установлено, что здесь два острова).

На Камчатку экспедиция возвращалась прежним путем. В этом была крупная ошибка Беринга, подмеченная еще Ломоносовым, который писал: «Жаль, что идучи обратно Беринг следовал той же дорогою и не отошел к востоку, которым ходом конечно бы мог приметить берега Северо-Западной Америки»².

Этот факт свидетельствует о том, что Беринг не имел той постоянной любознательности и страстной пытливости, которые отличают людей науки. 2 сентября 1728 г. «Св. Гавриил» возвратился в устье Камчатки.

Экспедиция зимовала в Нижнекамчатском остроге. В течение зимы готовились к предстоящему плаванию к американским берегам. За это время был отремонтирован бот, приняты запасы продовольствия и снаряжения.

5 июня 1729 г. бот поставил паруса и при попутном ветре вышел в море, взяв курс на восток «понеже Камчатские жители сказывали, что будто в ясные дни видеть землю через моря»³. Но уже через три дня Беринг приказал повернуть обратно ввиду сильного ветра и густого тумана. При возвращении «Св. Гавриил» обогнул южный мыс Камчатки (мыс Лопатка). Моряки нанесли этот мыс на карту. 2 июля «Св. Гавриил» вошел в Большерецкое устье, отсюда 23 июля прибыли в Охотск.

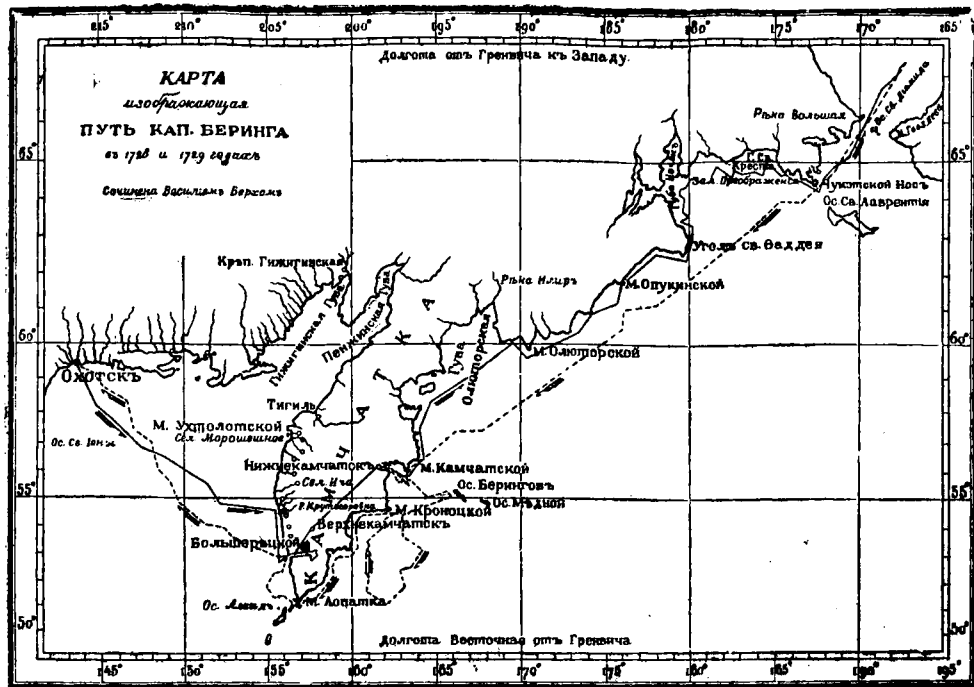
1 марта 1730 г. Беринг возвратился в Петербург. Беринг считал, что ему удалось удостовериться, что Азия и Америка отделены друг от друга проливом. Однако А. И. Чириков держался другого мнения. Он говорил, что мост, соединяющий Америку и Азию, может находиться к западу от того района, где был «Св. Гавриил».

В Петербурге тоже с недоверием отнеслись к сообщению Беринга. Здесь открыто говорили о бесплодности

¹ А. Полонский, указ. соч., стр. 553.

² Соч. Ломоносова, изд. Гидрограф. мор. мин. СПб., 1847, стр. 57.

³ Экспедиция Беринга. Сборник документов подготовлен к печати А. Покровским, М., 1941, стр. 65.



экспедиции, поскольку она полностью не выполнила поставленных ей задач и, прежде всего, не достигла американского материка. «Итак о несоединении (Азии с Америкой.— В. Д.) утвердиться сомнительно и ненадежно», — поспешно отмечала Адмиралтейств-коллегия, хотя на самом деле пролив между двумя материками корабли прошли.

Таким образом, русское правительство, которое рассчитывало установить торгово-экономические связи с испанскими колониями в Америке, не могло пока осуществить своих планов.

Однако значение экспедиции было велико. Были собраны сведения о чукчах, составлена карта восточного побережья пролива, получившего впоследствии имя Беринга. Английский мореплаватель Кук должен был признать, что сделанные русскими описания Чукотского носа отличаются исключительной точностью:

«Я должен воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитана Беринга; наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что с теми математическими пособиями, какие он имел, нельзя было сделать ничего лучше.

Широты и долготы его определены так верно, что надобно сему удивляться».

Алексей Ильич вел журнал путешествия, начиная с Тобольска. Он сделал определения географических координат всех городов, которые встречались на его пути по Сибири. В его журнал внесены ценные сведения о численности, составе населения посещенных городов, быте и нравах. Благодаря его журналу и журналу Чаплина восстановлен весь ход Первой Камчатской экспедиции. В то же время Чириков описал сухой путь от Юдомского креста до Охотска и составил обстоятельную карту¹.

Адмиралтейств-коллегия высоко оценивала деятельность Чирикова в Первой Камчатской экспедиции. Она отмечала, что Чириков «будучи в оной экспедиции також и в других где он употреблен был командах... показал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру»².

¹ Экспедиция Беринга, стр. 139.

² Материалы для истории русского флота, ч. VII, СПб., 1879, стр. 520.

Вернувшись в Петербург, Беринг предложил организовать новую экспедицию в целях экономического освоения Охотского края, открытия путей к Америке, установления торговых связей с Америкой и Японией и, наконец, обследования берегов России к востоку от устья Оби. Первоначально правительство приняло лишь предложение Беринга изучить Охотский край. Согласно указу императрицы, Охотский край и Камчатка были подчинены Скорнякову-Писареву, бывшему прокурору Сената, который находился в Сибири в ссылке.

Скорнякову-Писареву было поручено создать в Охотске порт, для чего туда были направлены из Якутска рабочие; Адмиралтейств-коллегия командировала туда также корабельного мастера и трех штурманов.

17 апреля 1732 г. императрица издала указ о посылке на Камчатку второй экспедиции «и по данным от него (Беринга) пунктам,—говорится в указе,—о строении там судов и прочих дел, к Государственной пользе и умножению нашего интереса, и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что надлежит отправить, рассмотря, определение учинить в Сенате»¹.

В деле организации и подготовки экспедиции большую роль сыграл обер-секретарь И. К. Кирилов. Энергично поддерживали идею организации новой экспедиции также президент Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головин и гидрограф Соймонов. Все эти государственные деятели в условиях мрачной поры немецкого засилья являлись продолжателями политики Петра и проводили в жизнь то, чего не успел сделать царь-преобразователь.

Они добивались такого решения, чтобы экспедиция была укомплектована офицерами и нижними чинами «из русских, а не иноземцев, предпочитая «охотников». «А как оба главные начальника, Беринг и Шпанберг, были не русские, притом довольно невыгодно зарекомендовавшие себя первой экспедицией — один излишнею мягкостью, другой — излишнею суровостью, третий же начальник, Чириков, назначенный позже и бывший в отсутствии, не мог принимать участие в наборе, то число

¹ Полное собр. законов, т. VIII, № 6032.

охотников, кажется, не было высокое: некоторые из русских отказывались от назначения и были приняты другие вместо их, иностранцы»¹.

Хотя Беринг как моряк сформировался в России и прошел русскую школу морского воспитания, все же его назначение начальником экспедиции было не очень удачным, т. к. он имел ряд недостатков, о которых мы говорили выше. Он проявлял чрезмерную осторожность, попадал под чужое влияние. Поэтому он, по справедливому замечанию историка А. Соколова, был «мало способный начальствовать экспедициею, особенно в такой суровый век и в такой неорганизованной стране, какую была Восточная Сибирь в начале осемнадцатого века»².

С недоверием отнеслись к назначению Беринга его современники.

Берингу делались упреки в том, что он еще в первом плавании неправильно определял курс корабля. В своем донесении Адмиралтейств-коллегии лейтенант Плаутин (о его участии в первой экспедиции неизвестно) писал: «А как он капитан-командор из принуждения на море отправиться, то надеюсь исправление у него такое же будет, как и в первой экспедиции для того что он ни командуящим был, и без всякого резону такие нерасчетные курши (курсы) переменял через один два часа и не от перемены ветра или для какой опасности приключившигося как на море случается, идучи между нордом и остом и поворотить между вестом и зюйдом и потом паки к востоку, за что с офицерами у него была ссора немалая, для того, что они ему предлагали в том, чтоб взять один курш, и подписаться в том, чтобы итти до тех пор, пока что найдут или нужда велить переменить тот курш; а он в том их не послушал и того ради и к пользе интереса е. и. в. не учинил вымышленного»³.

Нерешительность, свойственная Берингу, была хорошо известна правительству и адмиралтейству, по опыту Первой Камчатской экспедиции, которую он возглавлял. Тем не менее, руководство второй экспедицией было вновь поручено Берингу; это объясняется тем, что мысль об организации второй экспедиции на Камчатку

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851, стр. 219.

² Там же, стр. 208.

³ А. Соколов, Беринг и Чириков. «Сев. Пчела», 98, 1849.

принадлежала именно Берингу; кроме того, учитывалось, что Беринг знает район предстоящей экспедиции, и, имея помощниками хороших русских офицеров и матросов, справится с поручением.

Помощником Беринга был снова назначен Алексей Ильич Чириков, который явился фактическим руководителем экспедиции.

Чириков был одним из лучших морских офицеров. «Капитан Алексей Ильич Чириков был лучшим офицером своего времени, краса и надежда флота, умный, скромный и твердый, человек, в котором «морская служба» не могла ожесточить чувствительное сердце», — так характеризует Чирикова А. Соколов¹.

Возвратившись в Петербург в 1730 г. по окончании Первой Камчатской экспедиции, Чириков был произведен в капитан-лейтенанты, спустя два года — в капитаны 3-го ранга. Эти звания были присвоены Чирикову за его личные труды в Камчатской экспедиции.

В постановлении Адмиралтейств-коллегии о назначении Чирикова в экспедицию говорилось: «утверждалась на нем, по искусству его не без надежды в той экспедиции к интересам е. и. в. доброго плода, чего ради он в общий совет во всех отправлениях с капитан-командором Берингом сообщен»².

Незадолго до своего назначения в экспедицию Чириков побывал в Казани, где наблюдал за разборкой леса. Приехав в Петербург, он ознакомился с инструкцией, составленной для экспедиции, и внес в нее ряд своих весьма важных предложений, одобренных Адмиралтейств-коллегией. Прежде всего он предложил строить суда для экспедиции в Охотске, а не на Камчатке, как предполагала Адмиралтейств-коллегия, ибо на Камчатском полуострове не было строевого леса. Этот факт говорит о том, что Алексей Ильич еще в первой экспедиции более обстоятельно изучил природные условия края, чем Беринг и Шланберг. Далее он обратил внимание на неясность первого и второго пунктов, в которых указывалось, что экспедиция должна идти к американским берегам до Мексиканской провинции, т. е. следовать на SO, в следующем же пункте говорилось о том, что

¹ Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, СПб., 1851, стр. 210.

² Материалы для истории русского флота, ч. VII, СПб., 1879, стр. 521.

экспедиция должна идти на NO до 67° с. ш. и далее. Заметив, что эти пункты противоречиво излагали курс экспедиции, Чириков указывал: «сомнительно будет, куда идти от Камчатского устья, между N и O или между S и O» и сделал предложение, «чтобы границею исследований американского берега, определить 50—65° с. ш., ибо южнее «для одного уведомления о Америке» идти незачем. И на север выше 65° тоже нет надобности идти, так как области более северные обследуют те, которым будет поручено обогнуть Чукотский нос». Он высказывал уверенность в том «что Америка не весьма далека от Чукоцкого восточного узла, лежащего в 64 градусах. А можно достоверится и освидетельствовать о Америке и не доходя к зюйду до Ишпанского владения: когда придем к американским берегам по величеству земли и по разности длины, самоельство Америки или острова, в чем надеюсь, что подтвердит мое мнение отправляющийся в настоящую экспедицию профессор, и имея как от чукчи, так и от других народов по человеку для языка и во известях о землях». По мнению Чирикова, во избежание политических осложнений с Испанией, не следовало идти до «Мексиканской провинции». Таким образом, Чириков совершенно точно определил, в каком направлении следует искать американский берег. Эту же точку зрения он высказал с такой же уверенностью через десять лет.

Итак, он считал, что «для одного уведомления (об) Америке идти до мексиканской провинции не для чего, понеже — оное можно через протяжение 15° т. е. от 65° до 50°, ежели неразрывный берег увидим. А ежели туды идти то против 2 пункта Коллегской инструкции от дальней страны возвратитца через одно лето к Камчатке весьма ненадежно от чего опасно бедствие»¹.

Согласно инструкции Адмиралтейств-коллегии, составленной с учетом предложений Чирикова, экспедиции поручалось, прибыв в Охотск, построить там два корабля «и на тех судах на одном вам капитану-командору, а на другом — капитану Чирикову следовать, не разлучаясь обоим, и в том следовании искать американских берегов и островов с крайнею прилежностью и старанием чинить

¹ Экспедиция Беринга, стр. 207.

вам, господину капитану-командору, с общего согласия с капитаном Чириковым по науке морской (курсив мой. — В. Д.), к чему в совет приобщить посланного академией наук профессора и для того сперва итти по предложению и мнению помянутого профессора»¹. Таким образом, в этой инструкции Адмиралтейств-коллегия признавала превосходство Чирикова над Берингом в вопросах морской науки.

Определив, что главной задачей морского отряда является открытие Америки, инструкция подробно излагала и другие задачи, поставленные перед экспедицией. В частности, в ней говорилось: «когда самые американские берега найдутся там, то на оных побывать и разведать подлинно какие на них народы и как то место называется и подлинно ль те берега американские и, учиня то и разведав, с верным обстоятельством поставить все на карту и потом итти для такого же разведывания подле тех берегов сколько время и возможность допустит по своему рассмотрению, дабы к Камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратица во благополучное время, и в том у вас руки не связываютца, дабы оной вояж от того не учинился безплодной, как в первой... и, возвращаясь, к Камчатке, осматривать иных новых земель и островов и содержать себя во всякой опасности, чтобы не впасть в какие руки и не показать им к себе пути, о котором они никогда не слыхали. А по возвращении к Камчатским берегам прислать о том вояже и обо всем прислать в Коллегию журнал и другие довольные ведомости и карты с нарочным офицером, который будет в том вояже и отправить его оттуда через почту, а самим остатца тамо и ожидать указу».

В десятом параграфе инструкции говорилось: в случае, если осмотреть и описать американские берега в одно лето не удастся, следует об этом донести в Адмиралтейств-коллегию, а «самим не ожидая указу, следовать и во окончание то проводить в другое лето», а если достигнуть американских берегов все же окажется невозможным «тогда учиня консилиум возвратится и следовать к третьему месту и о том в Коллегию репортовать».

¹ Экспедиция Беринга, стр. 163.

Насколько большое государственное и политическое значение придавалось этой экспедиции, свидетельствует тот факт, что даже участникам ее не было сообщено о действительной цели предпринятого путешествия; об этом были осведомлены только руководители.

Вот что говорится в инструкции: «содержать им (командирам) их инструкции в секрете, и особливо во время вояжа во охранении. А для публичного показания Берингу и Чирикову, из той же коллегии дать особые инструкции, в которых объявить, что по требованиям и желанию как в Санкт-Петербургской, так Парижской и иных Академий... император Петр Великий для курьезиту посылал осведомиться от своих берегов сходятся ли берега американские с берегами Азии, но тогда оное в действие не произошло. А ныне е. и. в. удовольству оных Академий указали отправить их, и, уведомясь, возвратиться».

Приведенная цитата не оставляет сомнения в том, что перед экспедицией были поставлены не столько задачи географического характера, сколько вопросы большого политического значения. Это подтверждается высказыванием одного из видных участников экспедиции, крупнейшего исследователя Камчатки С. Крашенинникова. Он писал:

«По распространению российского владения на севере и по заведению селения по знатнейшим рекам, впадающим в Ледовитое море от Лены реки к Востоку до Анадырска далее проведать землю и живущих там инородцев приводить в подданство».

В марте 1733 г., закончив все приготовления, основная часть экспедиции тронулась в путь. В ее состав входило около 500 человек. Экспедицию сопровождал обоз из сотни подвод, которые везли различные материалы, необходимые для предстоящего плавания. Многие члены экспедиции везли с собой семьи, так как не рассчитывали быстро возвратиться обратно. Вместе с Чириковым поехали в Сибирь жена и дочь. Жена Алексея Ильича стойко переносила все лишения в отдаленном крае в непривычных и суровых условиях, часто не имея в жизни самого необходимого. Покидая родные места, все невольно испытывали чувство тревоги и беспокойства перед предстоящим им трудным путешествием.

Вскоре после отбытия первого отряда экспедиции, из

Петербурга по распоряжению Сената вслед ей выехала группа ученых, среди которых находился историк Миллер, доктор медицины, химик и естествоиспытатель Георг Гмелин, астроном Людвиг Делиль де ла Кройер, командированный в экспедицию по настоянию своего брата академика Жозефа Николя Делиля — французского шпикона, посланного в Россию.

Впоследствии к экспедиции присоединились также историк Фишер и известный естествоиспытатель Стеллер. Приехав в Россию в 1734 г., Стеллер в течение нескольких лет служил врачом. На Дальний Восток он прибыл лишь в 1741 г.

В распоряжение экспедиции было также выделено около пятисот солдат из Тобольского и Якутского полков, в результате чего численность ее достигла 1 000 человек. Внушительная цифра для экспедиции, снаряженной в первой половине XVIII в. И это не считая тех, кто работал по доставке провианта, материалов, воды. Для этой цели привлекались местные крестьяне и люди, находившиеся в ссылке.

Основной состав морского отряда до Твери следовал на лошадях. Как только вскрылся лед, экспедиция на судах шла по Волге, достигнув Казани, и отсюда к осени добралась до местечка Оса, расположенного в верховьях Камы. С первым снегом экспедиция вновь тронулась в путь. В конце года все отряды собрались в Тобольске. На капитана Чирикова была возложена самая трудная задача — доставить обоз в Якутск. Шпанберг выехал из Петербурга несколько ранее остальных членов экспедиции. Ему было поручено на пути следования экспедиции подготовить во всех сибирских городах прием ее участников.

С наступлением весны и с вскрытием льда на Иртыше Чириков также направился в путь с вверенным ему обозом. Он шел по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Тунгуске, Илимю и Лене и в середине следующего года прибыл в Якутск. Путь был трудный, но участники экспедиции преодолели его. Беринг, забрав часть команды, отправился в путь по Таре и Енисею в Иркутск, а отсюда по Лене в конце октября прибыл в Якутск.

В конце 1734 г. основная часть экспедиции собралась в селе Усть-Кута на Лене. Всю зиму моряки строили суда, чтобы со вскрытием реки двинуться в путь. Было соору-

жено 80 судов, и в мае на них начали грузить материалы и продовольствие; в начале июня флотилия направилась в Якутск, куда прибыла в июле. Их уже ожидала там группа офицеров во главе с Берингом.

Незадолго до этого Шпанберг отправился в Юдомский крест. Однако ему не удалось добраться до этого места, и он остановился в совершенно безлюдном месте в 20—30 милях от Юдомского креста. Запасов продовольствия у Шпанберга было немного. Чтобы спасти команду Шпанберга от неминуемой голодной смерти, в помощь его отряду было направлено двести фунтов продовольствия.

Если Шпанберг, прибыв в Юдомский крест в 1734 г., ничего практически не сделал для подготовки экспедиции, то Чириков, прибыв в Якутск в 1735 г., сумел организовать отправку материалов и провианта к Юдомскому кресту: «...в одном том 735 году отправлено было из Якуцка семнадцать тысяч пудов», — писал Чириков¹.

Но главная забота в 1736 г. заключалась в том, чтобы доставить необходимое количество продовольствия и материалов в Охотск.

С этой целью в Якутске была начата постройка дополнительных судов. Руководство этим делом было поручено Чирикову, и он весь ему отдался. Чириков за всем наблюдал, вникал во все детали.

Большое внимание материальной стороне уделял и Беринг. «Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание на месте — это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности»².

Чтобы перебросить грузы из Юдомского креста в Охотск, нужно было преодолеть большие трудности. Юдомский крест, расположенный на реке Юдоме, находится от Охотска на большом расстоянии. На всем пространстве между Охотском и Юдомским крестом нет ни одного населенного пункта. Поэтому пришлось через каждые две версты строить избы, чтобы дать возмож-

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 243/об.

² Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, 1940, стр. 33.

ность людям, идущим в Охотск, останавливаться в теплых помещениях. К этому следует добавить, что значительную часть груза приходилось тащить на себе.

Другого способа доставки грузов зимой не было, так как глубокие снега и отсутствие фуража не позволяли использовать лошадей. Человек получал груз весом до шести пудов, складывал его на небольшие сани-нарты и тащил по снегу к месту назначения.

Сотни людей, впряженных в сани, длинной вереницей двигались по направлению к Охотску. В таких невероятных трудностях проходили дни участников экспедиции в самом ее начале.

Чтобы ускорить доставку провианта и материалов в Охотск, решили использовать реку Урак, протекающую примерно на полпути от Охотска до Юдомского креста. Но никто не знал, судоходна ли она.

Пришлось немедленно командировать разведывательный отряд для выяснения, можно ли воспользоваться рекой Урак для переброски судов. Оказалось, что летом, в период проливных дождей, р. Урак становится вполне пригодной для судоходства. На берегах реки спешно начали строить склады, жилые помещения. Но, как мы уже рассказывали, грузы до этих складов приходилось доставлять на нартах, и труд этот был очень изнурительным; за шесть месяцев пришлось сделать 15 поездок.

Охотск расположен при впадении р. Охоты в Охотское море. В устье реки водится очень много рыбы, которая в то время составляла главный источник питания местного населения. Рыбу в больших количествах сначала засаливали, а затем высушивали на солнце. Мясо сушеной рыбы употребляли в пищу, а рыбу кожу использовали для постройки летних жилищ. Самой распространенной породой рыб в районе Охотска является лосось; существует несколько видов этой рыбы. Самой лучшей считается нерка, мясо которой, имеющее красноватый цвет, очень жирно и приятно на вкус; другой сорт лосося — известная у нас кета, мясо ее более мягкое, но уступает нерке по вкусовым качествам; третий сорт — мальма, которая значительно меньше кеты и нерки. Из мальмы местные жители делали запасы рыбьего жира на зиму.

Ловля рыбы производилась в зимнее и летнее время. В марте и апреле население занималось добычей соли.

Употребление в пищу этой рыбы отрицательно сказывалось на русских моряках, хотя местные жители, привыкшие к такой еде с детства, жалоб не высказывали.

В 1734 г. Шпанберг прибыл в Охотск. В то время город находился в полном запустении. Главными обитателями его были тунгусы (эвенки) и ламуты, которые вели кочевой образ жизни. Постоянное население города было незначительно.

Начальником Охотского края и Камчатки был назначен Г. Г. Скорняков-Писарев, который был сослан в Сибирь и лишен всех чинов за участие в заговоре против А. А. Меншикова.

Г. Г. Скорняков-Писарев был одним из образованнейших людей России первой половины восемнадцатого века. В течение многих лет он преподавал в морской Академии артиллерийское искусство. Он является автором первого в России учебника по механике — «Практика художества статического или механического, краткое некоторое истолкование оногo художества». Он же разработал для Академии программу, инструкции.

В течение ряда лет Скорняков-Писарев был директором Морской академии.

Произвол Шпанберга и других иностранцев, а также медленный ход работы экспедиции возмущали Скорнякова-Писарева. Шпанберг, прибывший раньше других в Охотск, не признавал местных властей, он сам стремился стать неограниченным властелином края. Но Скорняков-Писарев, как русский человек, ненавидел жаждущего славы немца, и поэтому борьба между Шпанбергом и начальником Охотского края носила острые формы.

По прибытии в Якутск Берингу пришлось заботиться о том, как обеспечить экспедицию всем необходимым. Требовалось очень много. Нужно было доставить провиант, канаты, пеньку, пушки, порох. Однако местные сибирские власти, несмотря на полученные предписания, не оказывали экспедиции никакого содействия.

В Охотске не было необходимого числа строений, поэтому Шпанбергу в первую очередь пришлось выстроить казармы для солдат и дома для офицеров и несколько портовых сооружений. Бухта для якорной стоянки оказалась непригодной. Она не была защищена от ветров, а во время отливов значительно мелела. Весной

в бухте скапливалось множество льда, который представлял большую опасность для находящихся там судов.

В течение зимы 1737/38 г. члены экспедиции большую часть грузов с Юдомского креста перевезли «на себе нартами, от которой работы люди весьма утруждены... к тому же платьем и обувью обносились, и все стали наги и босы, а помощи учинить никакой не можно, и купить ничего негде, понеже здесь место пустое и купецких людей (в Охотске) ныне не имеетца», — писал Беринг¹. Положение усугублялось тем, что иркутская провинциальная канцелярия жалование служителям выплачивала с большим опозданием.

Шпанберг, посланный в Охотск раньше других, не выполнил порученных ему дел. В своем рапорте от 13 декабря 1742 г. Чириков сообщал о своей работе и охарактеризовал деятельность Шпанберга. Этот документ представляет большой интерес потому, что в нем Чириков рассказывает о том, что сделал для экспедиции он сам, и каковы «заслуги» Шпанберга. «Оное о себе упомянуть, принудила меня ево Шпанбергова гордость и ловкая похвала, что он и в Государственную Адмиралтейскую Коллегию представлять не устыдился, выхваляя себя так будто бы его прилежным старанием много в экспедиции исправлено больше всех, а как поистине сказать, что ево Шпанберговых больших трудов и на сухом пути не видно, дать и быть не можно, потому что и в самых нужных тогда потребностей не исправил, а именно ни судов к перевозке по рекам удобных, ни магазейн, ни покоев служителям и работным людям зимовей в надлежащих местах по пути от Якуцка до Охоцка не построил, ни перевозки водяным путем не учредил, а которые суда мелкоходные немного и построил и те неудобны были и затем брошены»².

Шпанберг не заготовил провианта даже для своей команды «и подлинно сказать можно, что он жил там в покое против нас, а надлежало б то: все исправить и заготовить и перевозки учредить ему Шпанбергу, ибо он наперед всех сюда послан и видел, что до прибытия ево по силе указов не заготовлено и не учреждено было»³. Чириков показал, что Шпанберг был озабочен другими делами. Чувствуя себя в Сибири властелином, Шпанберг

¹ Экспедиция Беринга, стр. 306.

² ЦГАВМФ, ф. Беринга, л. 52, д. 244.

³ Там же.

стал собирать ясак с местных жителей «для своей корысти»; кроме того, он перегонял водку и выменивал на нее ценные меха, продавал опий (который назывался «шару») — о чем пишет Чириков: «Многие люди допросами показали, что такой шару и у жен его и у девки в разные числа неслыханно дорогою ценою покупали».

Шпанберг ни в чем не стеснял своих желаний.

Притеснял он не только тунгусов, но и пашенных крестьян, вынуждая их работать бесплатно, хотя располагал казенными деньгами. Местные жители жаловались властям на произвол Шпанберга.

Когда от Шпанберга потребовали объяснения по поводу бесчинства и произвола, он оправдывался, «выдумав явную ложь... будто они сами поклонились в казну и денег не взяли»¹. Чириков считал это утверждение ложным, писал, что этого никогда не бывало, «ибо им (крестьянам) из своей воли уступать нечего, понеже им в том немалый был труд и в их крестьянских работах не без помешательства, да и лошадыми весьма нужны, да ежели б подлинно поклонились работой из своей воли, тоб почто им после на него жаловаться... да где это слыхано, чтоб такие бедные работные люди за надлежащую свою работу денег не брали»².

Некоторые офицеры, участники экспедиции, главным образом заботились о том, чтобы за время пребывания на Камчатке составить себе состояние, служебные же дела отодвигались на задний план. Они, например, гнали водку и продавали ее местным жителям, выручая на этом огромные деньги. Большие доходы можно было получить и от торговли ценными мехами. Наиболее разительным примером этой жадности обогатиться любыми средствами служил сам капитан Шпанберг. Достаточно сказать, что в 1745 г. у него имелись сотни аршин сукна и целые табуны лошадей.

Подобное отношение офицеров к делу возмущало Чирикова. В своем рапорте Адмиралтейств-коллегии от 13 марта 1746 г. о результатах расследования злоупотреблений некоторых офицеров, он, между прочим, писал о себе: «вино я не токмо не продавал, но и никогда его негде не сиживал о чем могут свидетельствовать мне все

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 248/об.

² Там же.

камчатской экспедиции служители, а и служителям команды своей о сижении и продаже приказами запрещал накрепко не точию в тех местах была казенному вину продажа, но и в пустых местах, где мы приедучи и хоромы строили в чем жить офицерам и рядовым служителям, а именно, при Юдомском кресте и на Камчатке при Гаване святых апостол Петра и Павла... также отнюдь табаком и мягкой рухлядью не торговал и о том на меня не доносил и потому от меня и ответ ниоткуда не требуют и я оному не подлежу»¹.

Все это самоуправство привело к тому, что через четыре года после отправления экспедиции из Петербурга, она все еще не приступила к исполнению порученного ей дела.

Сенат и Адмиралтейств-коллегия выражали крайнее неудовольствие из-за медлительности экспедиции. Это неудовольствие усиливалось тем, что из Сибири поступали вести о раздорах между Берингом и местными властями, которые жаловались на начальника экспедиции. Беринг, в свою очередь, писал, что ему не оказывают поддержки в его начинаниях.

Жаловался на своего начальника и Шпанберг. Этот человек всегда устраивал какие-нибудь интриги (так, он писал, что в Охотск не поступают нужные материалы и продовольствие). Внутренние раздоры среди офицеров и враждебное отношение сибирских властей к делам экспедиции значительно осложняли подготовку к плаванию.

А. И. Чириков прилагал все усилия к тому, чтобы быстрее закончить подготовку к плаванию. Его влекла в Сибирь не жажда обогащения, а истинное желание исследовать неведомый край. Им руководило лишь благородное побуждение послужить своему отечеству.

Н. Ф. Головин поручил капитану Чирикову расследовать действия Беринга по поступившим на него жалобам

Алексей Ильич, действуя в интересах общего дела, был справедлив. По его совету был освобожден из-под ареста лейтенант Плаутин, арестованный по приказанию Беринга за ссору со Скорняковым-Писаревым. Этот факт привел к охлаждению в отношениях между Берингом и Чириковым.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 51, л. 562.

Адмиралтейств-коллегия делала многое для того, чтобы экспедиции были созданы благоприятные условия. Она указывала сибирским властям оказывать содействие экспедиции. С одной стороны, она пыталась оправдать Беринга, с другой — настоятельно требовала от него ускорения работы, посылала выговоры и доходила до прямых угроз.

На экспедицию были произведены огромные затраты: за сравнительно небольшой срок было потрачено 300 000 руб. Кабинет императрицы, ссылаясь на большие издержки, 15 сентября 1738 г. предложил Сенату и Адмиралтейств-коллегии прекратить работу экспедиции.

Лишь по настоянию членов Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головина и кн. Урусова, горячо поддерживавших экспедицию, Сенат решил продолжать ее.

Однако дела экспедиции попрежнему оставались в крайне тяжелом положении. Сибирские власти уклонялись от выполнения указаний Сената. Экспедиция испытывала острый недостаток в продовольствии, рабочие разбегались. Строить суда было некому. Ежегодная потребность экспедиции в хлебе определялась в 16 000 пудов. В одном из своих докладов Беринг писал: «И ежели повсегодно отправления провианта не будет, то всемерно, в таких пустых и безхлебных местах, востребуется великая нужда и страх, того чтоб такого многолюдства не поморить от голоду, и не принуждены были, не окончив по воле ея императорского величества указов, надлежащих экспедиционных дел втуне оставить, и всех служителей распустить»¹.

Откликнувшись на мольбы Беринга, Адмиралтейств-коллегия обратилась в Кабинет с просьбой послать в Иркутск и Якутск двух «добрых, поверенных и надежных офицеров», уполномочив их требовать от местных канцелярий оказывать экспедиции всякое содействие. Всем требованиям этих офицеров «неотлагаемое и немедленное исполнение было бы чинено, и были бы им в том послушны». Однако два таких офицера, Толбухин и Ларионов, выехали в Сибирь по распоряжению Сената лишь в начале 1739 г. В том же году Толбухин прибыл в Иркутск, а Ларионов в Якутск.

¹ А. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записи Гидрографического департамента, ч. I, стр. 340.

В Охотске положение с продовольствием было крайне затруднительным. Работы по строительству были прекращены. Часть экспедиции Беринг вынужден был отправить к магазинам на пропитание.

К этому времени Шпанбергу с большим трудом удалось довести до конца постройку двух судов: бригантины «Архангел Михаил», дуббель-шлюпки «Надежда», а также отремонтировать два старых судна: «Фортуна» и «Гавриил». Осенью эти корабли готовы были выйти в плавание, но из-за отсутствия продовольствия выступление опять пришлось отложить.

Прибыв в Охотск, Беринг писал о своих впечатлениях: «Место было новое и пустое и строения никакого еще не проводилось, и жить было негде, и лесов и травы в нем не растет и близко не имеется, ибо все дресвянное. Служители строили офицерам покои, а себе—избы и казармы, возили глину на себе и делали кирпичи, дрова для топления печей на себе таскают верст за шесть и за семь; воду пресную на свое употребление из реки возят на себе ж, расстоянием от того жилья версты по две и по три; и сухари сушат; и заготовленные к строению пакетботов бревна и коры, и прочее, плавят по реке с дышком с тридцать верст и к кузнечным поделкам уголья жгут; и для приготовления к пакетботам смолы нарочно в Камчатку посылаются; и нарты делают сами; и провиант ими на себе возят»¹.

Положение усугублялось еще и тем, что среди офицеров, подчиненных Берингу, также не было полного единения, а многие из них явно враждовали друг с другом. Но это была не просто ссора, как обычно изображалось в исторической и географической литературе. Это была острая, принципиальная борьба против иностранцев во Второй Камчатской экспедиции. Она была отражением той борьбы, которую вели в России передовые люди против чужеземцев. Известно, что в этот период иностранцы занимали высокие посты в правительстве и Академии наук.

Иностранные государства засылали в Россию шпионов, наделяя их «учеными» званиями. Пользуясь доверием русского правительства, эти «ученые» пробирались

¹ А. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записки Гидрогр. департамента, ч. IX, стр. 340.

в правительственные и научные учреждения, в которых творили свое черное дело. Наиболее крупным шпионом был Жозеф Николая Делиль, работавший в течение многих лет в Петербургской Академии наук.

Делиль прибыл в Петербург в 1726 г., имея задание французских властей собирать сведения по картографии Российской империи.

Русская Академия, зачислив Делиля в свой состав, поручила ему составлять генеральную ландкарту Российской империи.

Делиль всячески медлил с выполнением порученного ему дела, но настойчиво требовал, чтобы ему было увеличено жалование и присвоен генерал-майорский чин.

Делиль располагал богатыми коллекциями русских карт, копии которых он направлял в Париж через французских послов в Петербурге и Стокгольме.

В августе 1743 г. Делиль в своем письме морскому министру Франции Морепе сообщил, что русские карты, посланные им в Париж и хранившиеся у его сестры, якобы выкрадены.

В следующем письме Делиль высказал уверенность, что снимет новые копии и вышлет их в Париж.

За время пребывания в России, Делиль выслал 190 копий карт и много различных описей.

Французское Морское министерство, в котором Делиль числился в должности астронома и географа флота, щедро вознаграждало Делиля за доставленные им ценные разведывательные картографические материалы о России и прилегающих к ней государств. По настоянию Делиля во Вторую Камчатскую экспедицию был назначен его брат Людвиг де ла Кройер, которому поручалось собирать нужные для Делиля сведения о Дальнем Востоке.

Наконец Делиль, как шпион, был разоблачен. По настоянию президента Петербургской Академии наук графа Разумовского Делиль в 1747 г. был «отстранен от академии» и в мае того же года покинул русскую столицу; 15 сентября он вернулся в Париж¹.

Среди участников экспедиции было немало офицеров-иностранцев, некоторые из которых, отправляясь на Дальний Восток, стремились к обогащению. Они меньше

¹ В. Кордт. Матеріали до історії картографії України, 1930, Киев, стр. 21.

всего обращали внимание на выполнение порученного им дела. Это обстоятельство возмущало и раздражало тех, кому дороги были интересы своего народа.

Так, Шпанберг считал себя полнейшим хозяином экспедиции и творил произвол. Необычайно ценные сведения содержатся в рапорте Чирикова от 13 марта 1746 г., в котором указывается, что не чист на руку был и лейтенант Ваксель, расхищавший казенный хлеб. В страшном раздражении Иван Белый назвал лейтенанта Вакселя «экспедичным вором и плутом и каналиею и сукиным сыном и бранил матерно». В чем шхипер Белый «и в тайной в распросе не запирался»¹.

Представляет большой интерес донесение штурмана Михаила Плаутина в Адмиралтейств-коллегию.

Плаутин писал, что Беринг не принял мер к тому, чтобы набрать рабочих. Прошел 1735 г., проходила весна 1736 г., а дело не продвигалось.

Плаутин был арестован Берингом за то, что указывал на непорядки в экспедиции. Адмиралтейств-коллегия в марте 1736 г. приняла решение поручить капитану Чирикову «рассмотреть и исследовать со всеми надлежащими обстоятельствами по указам и регламентам, и буде он Плаутин имеется в аресте, и по следствию важности до него такой почему надлежал он аресту не явится, то освободить и быть в особливой команде у капитана Чирикова»². Здесь же делается предупреждение Берингу, чтобы он «до рассмотрения и до указа ни в чем его Плаутин не ведать, и как то следствие окончится и ежели по оному следствию явятся такие обстоятельства, что касаться будет до ответствения капитан-командора, о том ему Чирикову учинить надлежащее известие и подать Берингу, дабы по тому он ответ учинить мог с обстоятельством в коллегию»². В том же указе Адмиралтейств-коллегии указывалось, чтобы Беринг больше занимался делами экспедиции, «не вступая в другие построения и не принадлежащие к той экспедиции дела, и чинил бы все что к наискорейшему исполнению оной экспедиции дела надлежит по инструкции и по указам без всякого упущения».

Все чаще и чаще стали возникать разногласия и между Чириковым и Берингом.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 51, л. 554.

² Материалы для истории русского флота, ч. VIII, стр. 512—515.

Чириков считал, что нужно действовать энергичнее, проявлять больше инициативы, смело брать на себя ответственность в рискованных начинаниях, а не ждать по каждому вопросу указаний от Адмиралтейств-коллегии; не зная конкретных условий хода экспедиции, члены Адмиралтейств-коллегии нередко были не в состоянии дать полезные советы. Но Беринг не хотел отступить от получаемых инструкций. Отношения между двумя руководителями экспедиции становились все более натянутыми. При этом Чириков оказывался в чрезвычайно затруднительном положении. С одной стороны, Адмиралтейств-коллегия поручила ему надзор за действиями Беринга, а с другой стороны — ставила в подчинение капитан-командору.

Чириков всегда отличался точным исполнением требований морского устава, который являлся его настольной книгой. Он прибегал к морскому и воинскому уставам¹ во всех затруднительных случаях.

Алексей Ильич хорошо помнил статьи морского устава, в которых говорится о воинской дисциплине, отношении к высшему начальству и т. п.

Но как быть в том случае, когда действия начальника не согласуются с интересами дела, с пользой? Чириков приходил к убеждению, что нужно действовать более решительно. Ему были известны слова Петра I о том, что нельзя держаться устава, как слепой стены. Однако после смерти Петра прошло много времени, установились иные порядки. Об этом Чириков тоже знал. Он прекрасно разбирался в политике того времени и знал, что немцы, которые в период царствования Анны Иоанновны получали высокие государственные посты, стремились уничтожить русскую культуру, подавлять проявление русской национальной мысли.

Немало русских в то время сложили свои головы в борьбе с бироновщиной. Людей ссылали в Сибирь, казнили без всякого суда из-за одного безудержного произвола какого-нибудь вельможи — фаворита императрицы.

¹ Среди книг, сданных Чириковым Вакселю, на первом месте стоят следующие: морской устав, устав воинский и сухопутный, адмиралтейский регламент, часть регламента морского, в котором определено все, что касается доброго управления в бытность флота в море, а также о содержании портовых книг, морской пошлинный регламент, книги указов печатных. ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 65, л. 49/об.

Попасть в опалу в то время ничего не стоило, и Чириков это прекрасно учитывал.

Друг и товарищ Чирикова, Овцын, человек беспримерной отваги и мужества, был разжалован в матросы «за некоторую вину», т. е. лишь за то, что разговаривал с князем Долгоруким, находившимся в ссылке в Березове¹, несмотря на то, что его подвиги во время исследования Сибири принесли ему заслуженную славу и были хорошо известны в Петербурге. Учтя все эти обстоятельства, Чириков обратился в Адмиралтейств-коллегию с просьбой освободить его от обязанностей помощника руководителя Второй Камчатской экспедиции.

Нельзя без волнения читать письмо Чирикова от 27 августа 1738 г., адресованное Головину. Это письмо представляет особый интерес, так как проливает свет на взаимоотношения между Берингом и Чириковым. Оказавшись в безвыходном положении, Алексей Ильич писал:

«Всепокорнейше прошу Вашего высокографского сиятельства, дабы я высоким предстательством вашим, милостивого отца и государя, освобожден был от Камчатской экспедиции, понеже я, милостивый государь, обращаюсь в ней истинно бес пользы, понеже предложении мои к господину капитан-командору о экспедиционном исправлении от него за благо не приемлются, токмо он господин командор за оные на меня злобствует, что видя, опасаюсь от него великих обид, которых ему делать легко в такой дальности, имея меня в полной своей власти, а предлагать ему принужден я должностию своей и опасаясь, чтоб не причтено было мне вне радения, а насупротив того опасен же чтоб и с правдою за неостроту свою не остаа винным. Того ради, припадая к ногам вашего высокографского сиятельства, слезно прошу, дабы милосердием вашим не оставлено было вотще сие всепокорнейшее прошение мое»².

Между тем отправление экспедиции затягивалось, и надежда закончить постройку всех судов к 1740 г. не оправдалась. Нехватало леса для постройки саней, чтобы спустить пакетботы на воду.

Чирикова раздражала и угнетала такая медлительность, и он в мае того же года пришел к капитан-коман-

¹ Общий морской список, ч. II 1805, стр. 298.

² Экспедиция Беринга, стр. 303.

дору и решительно заявил: «Дальше мешкать нельзя, отправьте меня на бригантине «Михаил», для осмотра земли, лежащей против Чукотского носа от Камчатки между нордом и остом и протчей западной стороны Америки. Осенью вернусь в Охотск».

«Этого нельзя сделать», — возразил Беринг.

Алексей Ильич продолжал настаивать: «Шпанберг может пойти осенью, когда бригантина возвратитца, а если не возвратитца, то Шпанберг может следовать на Камчатку на других судах, на боте «Гавриил», а на Камчатке взять бригантину и итти в путь свой. Вам же госп. капитан с обоими пакетботами итти до Камчатки. В будущем 1741 г. мы вместе можем отправиться для отыскания американских берегов, лежащих от Камчатки между зюйдом и остом, чрез что я чаю было б поспешение к окончанию экспедиции нашей годом».

Беринг, не имея аргументов для возражения, резко заявил: «оное з данною инструкциею несогласно»¹.

Если б капитан-командор внял настойчивой просьбе своего отважного помощника Чирикова, то последний мог бы уже в 1740 г. достигнуть американского материка.

Беринг и сам понимал, что ему не под силу руководство большой экспедицией. В то же время он знал и о недоверии, которое выражали ему матросы и офицеры. «Нередко признавался он, что Вторая Камчатская экспедиция свыше сил его, и жалел, почему не поручили исполнение сего предприятия россиянину», — писал впоследствии адъютант и участник экспедиции Стеллер.

Между тем, Адмиралтейств-коллегия настойчиво требовала быстрейшего окончания подготовки к плаванию. По адресу Беринга сыпались выговоры, предупреждения, ему угрожали; его обвиняли в том, что он не прилагает должных стараний, чтобы ускорить постройку судов.

В мае 1740 г. от Адмиралтейств-коллегии был получен указ, в котором говорилось «суда, ежели, паче чаяния, до получения сего указа не достроены, достраивать и подлежащее все исправлять, и в путь свой отправляться без всякого замедления, не утруждая, яко излишними, без всякого действия переписками, и не ожидая впредь

¹ Экспедиция Беринга, стр. 325.

подтвердительных указов, понеже о том многими, чрез всю его тамо бытность указами, найкрепчайше подтверждено, и в такое немалое время, весьма исправиться без всяких представлений уповательно возможно»¹.

Сенат, обеспокоенный медлительностью экспедиции, вновь предложил Адмиралтейств-коллегии рассмотреть вопрос о том, целесообразно ли продолжать ее.

Наконец летом 1740 г. была закончена постройка двух пакетботов, названных именами «Св. Петр» и «Св. Павел».

Чириков немедленно сообщил об этом графу Головину, послав ему 6 августа специальное письмо. Чириков сообщал, что на 15 августа намечено отправление на Камчатку.

В этом письме Чириков также рассказал о материальных лишениях, которые испытывает его семья, и просил графа увеличить ему жалование. Он писал, что получаемого им жалования, ввиду страшной дороговизны, не хватает для пропитания семьи, состоящей из жены и трех детей, «которые ныне в крайнем непризнении будут жить в Якуцке, отчего могу и в великий долг войтить»².

Письмо Чирикова проливает свет на поведение Шпанберга и отношение его к Чирикову; последний видел в лице Шпанберга своего недруга. Алексей Ильич опасался, что во главе экспедиции могут поставить Шпанберга. Это предположение не было лишено основания.

Пробравшиеся к высоким постам некоторые иностранцы делали все, чтобы оттеснить русских, не дать возможности проявиться талантам русского народа. Чириков не мог работать в подчинении у Шпанберга, который не стеснялся в выборе средств для достижения своих корыстных целей. Вот почему А. И. Чириков просил Головина разрешить ему после экспедиции возвратиться в Петербург «дабы в здешних дальностях покинут не был, в которых уже многое время прожил во всяких прискорбностях и недовольствах, а дабы я милостью вашего графского сиятельства не был отдан, в настоящей отдаленности, в команду и руки к крайнему моему

¹ А. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, стр. 343—344.

² Экспедиция Беринга, стр. 326.

неприятелю, капитану Шпанбергу, чему я чаю быть, ежели поступки его вскоре ясно еще не откроются»¹.

Приняв запасы продовольствия, пакетботы 8 сентября вышли из Охотска и взяли курс на Камчатку. Беринг командовал «Св. Петром», Чириков — «Св. Павлом». Вместе с этими кораблями следовали два небольших судна с провиантом.

Однако эти небольшие суда сопровождали «Св. Петра» и «Св. Павла» только до р. Большой, где и были оставлены, так как выходить с ними в открытое море было слишком опасно.

Пакетботы же продолжали свой путь. «Св. Петр» и «Св. Павел» вошли в пролив между южным мысом Камчатки Лопаткой и северным островом Курильской гряды. Проходить через этот пролив очень опасно. Ширина его превышает одну милю, длина составляет около полумили, а посередине находится каменный риф. Чтобы обойти этот риф, нужно воспользоваться либо южным, либо северным проходом. Обычно мореплаватели обходят риф с юга, где ширина прохода больше. Здесь нашим морякам пришлось подвергнуться серьезной опасности, угрожавшей гибелью судов. Вспоминая об этом случае, Ваксель впоследствии писал: «...за всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плаваю в море) мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности»².

Произошло следующее. Корабли вошли в пролив при западном ветре. Не зная точного времени прилива и отлива, мореплаватели вошли в узкую часть пролива в тот момент, когда приливная волна катится с востока на запад. Образовалось два противоположных течения: одно приливное — с востока на запад, другое, под влиянием западного ветра — с запада на восток. Вследствие этого суда не могли двигаться. «Отсюда совершенно ясно видно, — пишет Ваксель, — что все это затруднительное положение возникло для нас только в момент первой встречи обоих течений, так как уйти обратно мы не могли из-за сильного западного ветра и большой

¹ В. Андреев. Документы по экспедиции капитан-командора в Америку в 1741 г., Морской сборник, 1893, № 5, неоф., стр. 12.

² Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 49.

волны, а продвижению вперед мешало сильное восточное течение. Если бы в этот момент руль или паруса получили какое-нибудь повреждение, мы несомненно пропали бы без малейшей надежды на спасение... Волны перекачивались через корму судна и, разбиваясь в пену, скатывались с обеих сторон через фальшборты. Судовая шлюпка, шедшая на буксире у нашего корабля и привязанная на конце кабельтова длиной в сорок сажен, была подброшена волнами и ударилась о корму корабля, не без повреждения, конечно, как корабля, так и шлюпки; не раз шлюпку чуть не бросало на палубу нашего корабля. В это время глубина под килем составляла около десяти—двенадцати сажен. Я очень сомневаюсь, однако, оставалось ли под кормой корабля глубины больше трех сажен ото дна в те моменты, когда корабль опускался с волной до самой низкой точки. Мы опасались в то же время, как бы не рухнула наша главная мачта, так как ветер крайне усилился, и идя не по ветру, мы могли пользоваться только фоком и грот-марселем. Все наши усилия были направлены на то, чтобы держать судно по ветру, так как, попади мы между волнами в поперечном положении, нам не было бы спасения. Когда сила первой приливной волны немного уменьшилась, мы начали понемногу ползти с места и, наконец, оказались вне всякой опасности»¹.

Миновав мыс Лопатку, «Св. Павел» и «Св. Петр» 27 сентября подошли к Авачинской бухте, но войти в нее не смогли. Густой туман и сильный шторм помешали найти место входа в бухту, и суда повернули в море, где им пришлось выдержать многодневный шторм.

Наконец трудный переход был закончен. 6 октября 1740 г. корабли вошли в Авачинскую бухту, где решено было остаться на зимовку. В то время в Авачинской гавани был заложен порт, который в честь первых русских судов, посетивших его, был назван Петропавловском.

Петропавловская гавань очень понравилась мореплавателям. «Это лучшая гавань, которую мне приходилось когда-либо видеть в своей жизни», — писал Ваксель.

Ширина входа в эту удобную бухту составляет приблизительно 300—400 сажен. Глубина фарватера, дохо-

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 50.

дящая до 8—11 сажень, позволяет входить в гавань самым большим кораблям. Кроме того, бухта защищена почти от всех ветров.

К моменту прибытия кораблей в гавани уже было построено три дома, несколько складов и магазины. Все это подготовил мичман Иван Елагин, энергичный и настойчивый человек, который был послан на Камчатку еще в 1739 г.

На подготовку к плаванию ушло несколько зимних месяцев. Проверялась прочность судов, испытывались мореходные инструменты. Для того, чтобы весной следующего года отправиться к американским берегам, необходимо было доставить из Большерецка оставленный там провиант. Для этой цели было решено использовать собак, а с открытием навигации небольшое судно — гукор, находившийся в Большерецке.

По предложению Чирикова были приняты меры к тому, чтобы продовольствие расходовалось как можно экономнее. Хлебный паек был сокращен вдвое. Главными предметами питания стали сушеная рыба и оленина. Эти продукты заготавливались у местных жителей в достаточных количествах, и потому их потребление не ограничивалось.

За время пребывания на Камчатке, пока Чириков руководил подготовкой экспедиции к плаванию, ему удалось сделать немало ценных наблюдений. Со свойственной ему любознательностью он подмечал все, достойное внимания. Он правильно определил географические координаты Авачинской бухты, и уже тогда указал, что она «наилучшая и способнейшая ко охранению морских судов»¹, так как «можно в ней стоять хотя б великому флоту»². Чириков составил также подробное описание бухты, и послал его в Петербург еще в апреле 1741 года.

Прибыв на Камчатку, Алексей Ильич использовал любую возможность для всестороннего изучения этой неведомой доселе земли. Он занимался и метеорологическими наблюдениями, и сбором сведений о фауне и флоре, и исследованием геологических особенностей полуострова, его ископаемых богатств и т. д.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 243/об.

² Экспедиция Беринга, стр. 333.

В своем письме к Н. Ф. Головину от 27 апреля 1741 г. он писал: «Воздух здесь, премилостивый государь, холоден и земля везде еще покрыта глубоким снегом, точию в здешнем заливе льду уже осталось мало»¹.

Не упустил он случая сообщить и о частых землетрясениях: «с прибытия своего мы чувствовали оное четырежды».

Во время своего пребывания на Камчатке сделал интересные наблюдения и Беринг. В своем донесении об экспедиции он писал: «По Камчатской земле к югу живут курила, к северу камчадала, язык имеют меж собою в некоторых словах рознь, из сего народа немногие идолопоклонствуют, а протчие ничему неверуют и чужды всяких добрых обычаев, а российские люди, которые живут на Камчатке, и тамошние народы хлеба никакого не имеют, также и скота кроме собак, на которых ездят и возят, что им понадобится и одежду себе от них получают, а пропитание имеют от рыбы и коренья и от ягод, а летом временем от диких птиц и от всяких морских животных, а ныне в пустыне якуцкого монастыря, которая с версту от церкви Камчатской, родится ячмень, конопля, ретки, а репа и у многих служилых людей во всех трех острогах родится»².

За время своего пребывания на Камчатке участники экспедиции распространяли более высокие формы хозяйства. Алексей Ильич, обследовав полуостров, убедился, что здесь имеется много хороших земель. Но местное население до появления русских не имело даже представления о земледелии.

Главным занятием камчадалов было рыболовство. У берегов Камчатки и в многочисленных ее реках водится множество рыбы самых различных видов. Немало в том числе и сельди.

Местные жители делали большие запасы рыбы на зимнее время. Сделав глубокие ямы, они наполняли их доверху рыбой различных пород. Ямы покрывались дерном, а сверху него клали несколько бревен. Это делалось для того, чтобы в ямы не забрались песцы.

Важным продовольственным источником камчадалов были ягоды. Особенно много на Камчатке брусники,

¹ Экспедиция Беринга, стр. 333.

² Донесение Беринга, Записки Военно-топогр. депо, ч. X, стр. 75.

голубики, клюквы. Употребляли местные жители и березовую кору. «Корка (березы) в большом употреблении, ибо жители, оскобля у сырого дерева корку, рубят оную топориками, как лапшу, мелко, едят с сушеною икрою с таким удовольствием, что в зимнее время не минует камчатского острожка, в котором бы бабы не сидели около березового сырого края и не крошили объявленной лапши каменными или костьюными топориками своими»¹.

Важным источником существования камчадалов была также охота за дичью. На полуострове зимует бесчисленное множество лебедей, гусей.

Камчадалы очень искусные охотники за горными баранами, которые водятся на самых вершинах гор. Охота за ними сопряжена с большими опасностями.

Ранней весной камчадалы на небольших лодках отправляются вдоль берегов на поиски яиц морских птиц. В прибрежных пещерах находили так много яиц, что наполняли ими лодки. Таков был хозяйственный уклад камчадалов.

Освоение Камчатки, которой придавалось большое значение, требовало введения земледелия. Чириков был убежден, что земля камчатская плодородная и может дать обильные урожаи.

Производились посевы зерновых культур, которые не всегда из-за влажного климата вызревали, но русские настойчиво продолжали проводить опытные посевы и, как отмечает Ваксель, «удавалось несколько раз в виде опыта доводить до полной зрелости ячмень»².

Одновременно Чириков занимался изучением нравов, обычаев, религии местных жителей. Сделанные им наблюдения представляют большой научный интерес³.

Камчадалы устраивали себе жилище в ямах, размером восемь-десять сажен в окружности и глубиной полторы-две сажени. Ямы имели крышу из бревен, сверху бревен насыпается земля. В середине крыши прорубается отверстие — люк, заменяющий собой трубу. Под этим

¹ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, т. I, СПб, 1755, стр. 191.

² Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 110.

³ Впоследствии Свен Ваксель использовал материалы Чирикова для своей книги.

отверстием находится очаг, и дым выходит через люк. Последний используется также вместо двери. Обитатели землянок спускаются на землю при помощи лестниц.

С. П. Крашенинников следующим образом описывает вход в юрту: «Входят в юрты по лестницам-стремямкам, под которыми обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривычному трудно выходить из юрты; ибо и лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя, и проходя сквозь дым, должно переводить дух, чтобы не задохнуться»¹.

Камчадалы — люди небольшого роста, имеют черный цвет кожи, волосы и глаза их также черные. Народ сообразительный. Камчадалы «отлично схватывают все, что приходится им объяснять», — отмечает Ваксель. Камчадалы честны и правдивы, отличаются гостеприимством. «О воровстве у них не приходилось слышать. Очень склонны они также к услужливости по отношению к чужим». Однако на дружбу с приезжими они идут только после того, как убедятся в их бескорыстии. Камчадалы обычно говорят, «что недостаточно только называться другом, а нужно на самом деле сделаться другом и оставаться им навсегда... они часто отклоняют многие предложения дружбы или просят предоставить некоторую отсрочку для размышления»².

Камчадалы очень трудолюбивы, но излишних запасов не делают, «они не стремятся ни к какому излишку, — пишет Ваксель, — но стараются добыть только необходимое к существованию, и если имеют столько, сколько им надо для удовлетворения насущных потребностей, то большего не ищут, а ценят только свою свободу»³.

Защищая свою свободу, камчадалы вступали в решительную борьбу против царских колонизаторов, грабивших и истязавших местных жителей. История Камчатки знает немало восстаний и народных волнений. Но борьба была неравной. Политика царизма привела к тому, что камчадалы начали вымирать. В результате, за первые сорок лет XVIII в. численность населения Камчатки

¹ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, ч. II, стр. 27.

² Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 119.

³ Там же.

значительно уменьшилась. Это происходило в результате эпидемий, избиений народа, а также из-за хищнического истребления промысловых зверей и рыбы.

Будучи типичным колонизатором, Ваксель с циничной откровенностью говорит об истреблении населения царскими сановниками. При этом всю вину он взваливает на камчадалов: «они сами несколько раз устраивали бунты, восстания и волнения, так что пришлось добрую долю их перебить, чтобы привести остальных к благоразумию... Назначавшиеся из Якутска на Камчатку и часто сменявшиеся комиссары очень многих увезли, а попросту говоря, украли и похитили»¹.

Особенным трудолюбием у камчадалов отличаются женщины. Ваксель, не проявлявший никаких симпатий к местному населению, вынужден был сказать, что «нигде на свете не встречал таких прилежных женщин, ибо они никогда не остаются праздными». Далее он отмечает, что они создавали крепкие семьи, «очень редко приходится слышать, чтобы они жили в несогласии с семьей»².

Камчадалы одежду делали себе из собачьих шкур. Старейшины носили одежду из оленьих шкур, вышитую, украшенную со всех сторон кусочками меха бобра, соболей, черных и белых лисиц.

Моряки провели в Петропавловске зиму. Приближалась весна. Мореплавателей волновал вопрос о дальнейшем ходе экспедиции. Все чаще и чаще офицеры стали заговаривать о курсе предстоящего плавания. Разгорелись жаркие споры. Алексей Ильич энергично отстаивал свое предложение, которое он высказывал в момент назначения его в экспедицию, оказавшись более проницательным, чем Беринг. Уже тогда Чириков правильно определил, что Америка лежит против Чукотского носа.

Беринг был внутренне согласен с доводами Чирикова. Однако капитан-командор стремился в точности исполнить сенатский указ и чувствовал себя связанным по рукам. Человек более решительного характера мог бы найти лучшие, более правильные пути и средства к достижению намеченной цели. Но Беринг не пытался этого сделать.

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 122.

² Там же, стр. 120.

4 мая 1741 г. он пригласил на совет офицеров, штурманов и астронома де ла Кройера, посланного в экспедицию по настоянию его брата-академика со шпионскими целями. Указания этого невежды и пьяницы для Беринга, согласно указу Сената, являлись обязательными. В указе Сената совершенно недвусмысленно сказано: «чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делиля». Людвиг Делиль показал присутствующим составленную его братом, профессором Делилем, карту. На этой карте была обозначена земля Жуана де Гама в направлении SOtO от Авачинской бухты, расположенной на 47, 46 и 45° с. ш. На самом деле такой земли никогда не существовало. Легенда о земле Жуана де Гама была опровергнута Шпанбергом во время его плавания к берегам Японии в 1739 г. Слепо придерживаясь инструкции и игнорируя соображения здравого смысла, совет принял решение итти на юго-восток до 46° с. ш., т. е. в район местонахождения предполагаемой земли Жуана. В случае, если такой земли не удастся найти, предполагалось следовать на северо-восток.

Чириков сомневался в достоверности карты Делиля и убеждал офицеров и Беринга в том, что нужно исследовать район между 50—65° с. ш. Разоблачив Л. Делиля; Чириков сказал, что легенда о земле Гама много десятилетий вводит в заблуждение ученых. Офицеры пакетбота «Св. Павел» поддерживали своего командира, офицеры же пакетбота «Св. Петр» и сам Беринг присоединились к предложению Делиля, — в результате было решено руководствоваться картой Делиля, составленной на ложных данных. «С общего согласия всех экспедиционных офицеров и астрономии профессора (де ла Кройера) положили от Вуа иттить на SOtO по правому компасу друг от друга не в далеком расстоянии», — записано в шканечном журнале пакетбота «Св. Петр»¹. На этом же совещании было принято решение по достижении земли (вероятно, Америки) «итти вдоль берега на север до 65° с. ш., а затем, повернув на запад, увидеть Чукоцкую землю, чтоб известно было, сколько меж Америкую и Чукоцкою землями расстояния и оттуда возвратиться в здешнюю гавань»².

¹ ЦГАВМФ, ф. Архива гидрографии, д. 98, л. 121/об.

² ЦГАВМФ, ф. Архива гидрографии, д. 140, л. 1.

4 июня 1741 г. выдался наредкость солнечный день. Дул слабый западный ветер. «Св. Павел» и «Св. Петр» снялись с якоря и вышли из бухты.

«Св. Павел» имел различных грузов шестьсот пудов, сто бочек воды, дров на три месяца, а всего грузов с артиллерией и шхиперскими припасами пять тысяч девятьсот пудов. Экипаж пакетбота состоял из 75 человек.

Офицеров Чириков подобрал из русских. Ближайшими помощниками Чирикова были: лейтенанты Чихачев и Плаутин, мастер Дементьев и штурман Елагин. Кроме того, с Чириковым отправился астроном Людвиг Делиль де ла Кройер, к которому Алексей Ильич относился с недоверием, отстранив его от всех дел. Экипаж «Св. Петра» состоял из 69 человек. На этом пакетботе находились адъютант Стеллер, лейтенант Ваксель с сыном, мастер Хитров, подштурман Юшин, за живописца капрал Плениснер и разжалованный из лейтенантов матрос Д. Л. Овцын.

Участники экспедиции были вооружены всевозможными инструментами.

Беринг приказал следовать принятым на совещании курсом SOtO в направлении к земле Жуана Гама. Впереди шел «Св. Петр», за ним следовал «Св. Павел».

Пройдя около 120 миль от Авачинской бухты, Чириков, находившийся далеко под ветром у Беринга, заметил, что последний держит южнее условленного курса. Поэтому он изъявил желание переговорить с капитан-командором.

Через два часа Беринг подошел к борту «Св. Павла». Корабли обменялись салютами. Начались переговоры.

Чириков выразил желание итти ближе друг от друга, ибо «ежели так пойдут как ныне были меж собою в расстоянии, то хотя малый туман найдет, то сможем скоро разлучиться, и потом в искании друг друга упустить не мало времени». Далее он указал, что необходимо точно следовать принятому курсу. В ответ на это Беринг потребовал лейтенанта со «Св. Павла». На это Чириков приказал ответить: «не изволите ли приказ отдать ежели не зело важно, через трубу: понеже для посылки лейтенанта спускать ялбот, и в том несколько укусится

времени»¹. С флагманского корабля ответили на это: «ежели что имеете сказать, прислать лейтенанта, а нет то не надо», на что Чириков заявил, что кроме сказанного ничего не имеет сообщить.

Затем оба судна пошли прежним курсом.

6 июня Беринг приказал Чирикову идти впереди «Св. Петра». Это свидетельствует о том, что Беринг высоко ценил своего помощника, который прекрасно знал военно-морское дело и обладал огромным практическим опытом в мореплавании.

Через шесть дней мореплаватели достигли 46° с. ш., спустились еще на один градус южнее, а земли Гамы все не было, «...точию земли не получили и потому открылось, что Ион де Гамма нет, понеже мы место, где надлежало ей быть, перешли все через», — писал впоследствии А. И. Чириков. Разочарование постигло тех, кто доверился выдумке Делиля и не прислушивался к голосу своего соотечественника капитана Чирикова. Теперь уже никто не сомневался, что участники экспедиции были введены в заблуждение картой Делиля.

Научная недобросовестность французского профессора, гнавшегося за дешевой славой, возмущала всех. Отражая царившее тогда настроение участников экспедиции, Свен Ваксель писал: «Было бы, однако, честнее сперва исследовать на самом деле такие неизвестные земли прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии берегов... земли де Гамы; в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются. А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если им уже так хочется пофантазировать и порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним людям в руки плодов своей фантазии, тогда по крайней мере никто не был бы обманут их домыслами... Кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем».

12 июня, когда достигли 46° с. ш., с флагманского корабля по рупору передали что «наступает время, по

¹ ЦГАВМФ, ф. Архива гидрографии, д. 148, л. 3.

определению капитан-командора и прочих экспедиционных офицеров и астрономии профессора Делиль де ла-Кройера, переменить на свой курс, и держать по правому компасу на OtN»¹.

Чириков и его офицеры согласились с этим, и оба корабля легли на курс северо-восток. Ветер был слабый. Земли не было видно.

Но 14 июня задул противный восточный ветер, стали держать на север, шли правым галсом. Так шли до 16 июня, достигнув 48° с. ш.

Чириков спросил Беринга, до какой параллели он думает идти на этом галсе, однако капитан-командор ничего не ответил.

Утром 18 июня, Беринг, обратившись с вопросом к Чирикову, спросил: «...ныне-де они уже близ 49-ти градусов, а место на определенном от Авачи курсе в параллели 46 градусов, от нас на 5,5 (на юг), то надлежит нам ныне поворотить на другой галс (к югу)». На это Алексей Ильич без всякого колебания отвечал, что при юго-восточном ветре нужно идти тем курсом, хотя бы до 53 с. ш. Беринг ничего на это не ответил, а в журнале записал: «Положили обще держать себя между N и O, до благополучного ветра». Таким образом, Беринг принял предложение Чирикова, которого он ценил как моряка. На этом основании А. Соколов сделал весьма ценное замечание: «По моему, превосходство Чирикова и нравственная подчиненность ему Беринга здесь выражается так ярко, что не требует никаких комментариев»². Но это превосходство сказалось особенно после того, как 20 июня оба корабля на широте 49° N разлучились.

После трехдневных бесплодных поисков Чирикова, не давших никаких результатов, Беринг, дойдя до 45° с. ш. лег на курс OtN и ONO до 46° с. ш. Так как никаких признаков близкой земли не было, «Св. Петр» 25 июня повернул на восток, а спустя три дня взял курс на востоко-северо-восток и через несколько дней лег на курс N. «Мы с уверенностью, — говорит Ваксель, — рассчитывали таким путем встретить какие-нибудь земли, так как ото-

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 148, л. 17/об. — 18.

² А. Соколов, Беринг и Чириков, «Сев. Пчела», 1849, № 93.

шли уже на пятьдесят градусов по долготе к востоку от Авачинской бухты»¹.

Наконец, 17 июля после полуторамесячного плавания, когда «Св. Петр» находился под 59°40' с. ш., на расстоянии 20 миль от корабля, была замечена земля. По мере приближения к берегу перед взорами мореплавателей выростала величественная гора. Как выяснилось впоследствии, американский берег Чириков заметил на полтора суток ранее Беринга.

При виде земли все члены экспедиции испытали чувство огромного удовлетворения. Многолетний напряженный труд, наконец, увенчался успехом. Моряки стремились выразить признательность своему начальнику, который вместе с ними стойко переносил всевозможные лишения, подвергал свою жизнь постоянным опасностям. Все от души поздравляли капитан-командора. Открытие, как это всегда бывает при первом успехе, окрылило наших мореплавателей, придало им уверенности в успешном исходе экспедиции.

Однако Беринг оставался равнодушным к общему ликованию. Стеллер и Плениснер обратились к капитан-командору с вопросом, почему он так печален и угрюм, Беринг рассказал о причине своего беспокойства. «Мы не знаем, где мы, как далеко от дому и что нас вообще ожидает впереди. Может быть нас назад не пустит пассатный ветер. Земля нам не знакомая, а для зимовки не хватит провианта»².

«Св. Петр» продолжал идти вблизи берега. Моряки тщательно всматривались в незнакомые места, стараясь, чтобы ничто не ускользнуло от их взгляда. 18 июля был замечен великолепный лес, который подходил к самому берегу. Повернув на северо-запад, судно подошло к гористому острову. Этот остров уже сплошь был покрыт пихтовым лесом. Попытка подойти ближе к берегу не удалась. Только 20 июля «Св. Петр» бросил якорь на глубине 22 сажен вблизи небольшого острова, который находился в некотором отдалении от материка. Со дна достали землю для исследования. Грунт оказался синего цвета.

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 56.

² Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, стр. 209.

Вечером к берегу на лангеботе был послан мастер Сафрон Хитров. Вместе с Хитровым отправились адъюнкт Стеллер, квартирмейстер и девять рядовых. Хитрову поручалось разыскать пресную воду, разведать бухту и побережье, выяснить, нет ли в гавани удобного рейда.

Хитров возвратился быстро и рассказал, что им обнаружен удобный рейд, находящийся между островами и хорошо защищенный ими; он также доложил, что «видели они огнище и лисиц бегающих».

Кроме того, Хитров, отличавшийся большой наблюдательностью, сообщил ряд других ценных сведений. Он рассказал, что на острове имеются постройки, но жителей он не видел. При этом он высказал предположение, что эти постройки принадлежат рыбакам, приезжающим на остров с материка. Постройки обшиты досками и укреплены гвоздями. На основе этого Хитров заключил, что местные жители пользуются топорами и ножами.

Вернулась и шлюпка, направленная для поисков пресной воды. Прибывшие доложили, что им удалось найти пресную воду. Кроме того, моряки рассказали, что нашли два непогасших костра; они видели заготовленные дрова и следы недавно побывавших там людей. На берегу заметили также пять красных лисиц, которые совершенно не боялись людей. Те же матросы обнаружили небольшие запасы копченой рыбы. Все это говорило о том, что остров обитаем. Эти наблюдения произвел естествоиспытатель Стеллер. Он же дал интереснейшее описание берега, который посетил.

Для доставки пресной воды было направлено две лодки. На острове, где брали воду, моряки заметили юрту, в которой находились разбросанные предметы домашнего обихода. Обитатели юрты при приближении чужеземцев, повидимому, удалились в лес.

Пополнив запасы воды, русские решили отблагодарить островитян. Они положили в юрту кусок ситца, две железные курительные трубки и фунт табаку.

Рано утром 21 июля «Св. Петр» возобновил плавание; гостеприимному острову моряки дали наименование Св. Ильи. Теперь он называется о. Каяк.

На совете офицеров было принято решение идти обратно на Камчатку. Однако испытания на этом еще

далеко не кончились: моряков на их пути поджидали еще большие трудности.

Спокойная погода неожиданно сменилась штормом, и корабль, по словам Ваксея, «попадал в крупную океанскую волну, так что мы едва справлялись с управлением кораблем». В таком напряжении плавание протекало в течение нескольких дней.

Наконец погода стала более благоприятной, но возникла другая опасность: корабль шел на глубине всего 20 сажен. Дальнейшие измерения лотом подтверждали опасение, что корабль может наскочить на риф. Ставь на якорь, не зная, где находится земля, также было слишком рискованно. К тому же сильный ветер вызвал большое волнение. Было решено идти на юг. Через некоторое время «Св. Петр» вновь вышел на большую глубину, и плавание стало более спокойным. Однако это продолжалось недолго.

2 августа «Св. Петру» пришлось идти в густом тумане. Измерение глубины показало, что она составляет всего семь-восемь сажен; моряки встревожились и насторожились. В таком тумане нетрудно выскочить на мель. Немедленно был брошен якорь. Когда рассеялся туман, оказалось, что пакетбот прошел мимо острова, не заметив его, и находится от него в $\frac{1}{4}$ мили. Этот остров, расположенный юго-западнее Кадьяка, был назван Туманным, а впоследствии получил имя Чирикова.

Плавание становилось все более трудным. Запасы пресной воды кончались. Почти вся команда болела цынгой.

Решено было искать землю, чтобы запастись пресной водой. 29 августа моряки с радостью заметили группу островов и тотчас же повернули к ним. На следующий день «Св. Петр» стал на якорь между двумя островами. Посланные на берег люди доставили пробу воды, которая оказалась недоброкачественной, но для приготовления пищи ею можно было пользоваться. Стали спешно возить воду, так как корабль стоял в месте, не защищенном от южных ветров.

Между тем моряков постигло большое горе. Во время стоянки у островов умер матрос Шумагин, честный и трудолюбивый человек, любимец всей команды. В память о своем добром товарище и друге моряки назвали эти острова Шумагинскими.

Ночью на одном из небольших островов был замечен огонь. Мастер Хитров обратился к лейтенанту Вакселю, исполнявшему обязанности командира, с просьбой разрешить ему отправиться на берег, чтобы обследовать остров. Беринг в это время был болен и не покидал своей каюты, передав командование Вакселю. Последний считал, что терять время на обследование острова не следует. Однако Хитров настаивал на своем. Беринг, которому Ваксель доложил о просьбе Хитрова, разрешил ему отправиться на остров. Взяв с собой шесть человек, Хитров отправился в путь, захватив подарки для жителей, которые могли оказаться на берегу.

На острове ничего примечательного не оказалось. Моряки нашли костер, но людей около него не было. При возвращении шлюпка была застигнута сильным ветром. Тогда Хитров решил подойти к другому острову. Однако подойти к нему было очень трудно, «так как громадные волны, накатившиеся на берег, заполнили бы шлюпку водой и выбросили их вместе с шлюпкой на берег». В этой крайне тяжелой обстановке Хитров не растерялся. Он поставил на шлюпке парус и смело пошел прямо в прибой волны... «Если бы не это, — пишет Ваксель, — волны, несомненно, поглотили бы шлюпку или даже смыли бы с нее людей». Прекрасная морская выучка, спокойствие и хладнокровие помогли Хитрову благополучно выйти на берег. Здесь Хитров приказал тотчас же развести костер и стал поджидать помощь с пакетбота.

Промокшие и озябшие люди уселись у костра, чтобы согреться и обсушиться. Ночью поднялся сильный ветер. «Св. Петр» снялся с якоря, чтобы найти якорную стоянку, более защищенную от ветра. При виде уплывающего корабля люди, находившиеся на острове предположили, что «Св. Петр» навсегда покидает их. Мысль о том, что они навсегда останутся на пустынном острове и умрут голодной смертью, приводила моряков в отчаяние.

3 сентября посланная на берег шлюпка сняла моряков с острова и доставила на корабль.

Несколько раз «Св. Петр» пытался выйти в открытое море, чтобы следовать на Камчатку. Однако сильные встречные ветры препятствовали этому.

5 сентября с одного близлежащего острова стали доноситься звуки людского голоса; одновременно с этим моряки заметили разведенный на острове костер. Вскоре

с корабля заметили две небольшие байдарки, в которых сидело по одному человеку; они двигались к пакетботу. Подойдя совсем близко к кораблю, островитяне начали размахивать руками и кричать. На «Св. Петре» никто не мог понять, чего островитяне хотят. Затем одна байдарка подошла к пакетботу еще ближе. Находившемуся в ней человеку дали подарки: кусок материи, два зеркала и другие предметы. Все это он охотно принял, а взамен бросил на корабль две палки. К одной палке были привязаны птичьи перья, к другой — птичья нога с перьями. Затем он знаками и возгласами стал усиленно приглашать русских к себе на берег¹.

Капитан-командор приказал лейтенанту Вакселю отправиться на берег. Ваксель и адъютант Стеллер, захватив с собою девять матросов, отправились на лангеботе к берегу. Но из-за сильного волнения подойти к острову было невозможно. «И берег его на всем протяжении был усеян таким количеством больших и острых камней, что нам никак не удавалось высадиться без риска разбить в щепки нашу лодку», — писал Ваксель. Завезли якорь на расстояние двадцати сажен от берега и стали подтягиваться к нему между камней.

Увидев на берегу девять островитян, русские моряки стали звать их к себе, показывая при этом всевозможные подарки. Ваксель отправил на берег двоих русских и одного чукчу-переводчика.

Скоре на байдарке к лангеботу подъехал старейшина. Ваксель предложил ему чарку вина. Тот охотно принял ее, но при первом глотке «выплюнул обратно с ужасным криком... Я хотел подарить ему кое-какие мелочи, вроде швейных иголок, стеклянных бус, небольшого чугунного котла, курительных трубок, но он не пожелал ничего от меня принять и ушел обратно на берег».

В течение часа Ваксель приглашал островитян к себе на лангебот, но никто не шел. Спускались сумерки. Оставаться близ острова было небезопасно, и поэтому Ваксель приказал посланным на берег возвращаться на судно. Русские немедленно вернулись, а чукчу «американцы» задержали. «По тому можно видеть, что оне его признали от народа нашего отменного, а себе подобного, ибо он был камчатской природы», — отмечает в своем журнале

¹ ЦГАВМФ, ф. Архива гидрографии, д. 98, л. 25/об.

Сафрон Хитров¹. Чтобы высвободить чукчу, он приказал сделать два холостых выстрела из мушкетов, «и как выполнено было, тогда все они упали на землю». Это говорит о том, что местные жители не знали огнестрельного оружия.

Воспользовавшись растерянностью туземцев, чукча возвратился на лангебот.

За короткое время пребывания на берегу два русских матроса сделали очень ценные наблюдения. Они сообщили, что видели девять байдарок из тюленьих шкур: в средней части байдарки имелось возвышение для сиденья. Моряки обратили внимание на то, что «кругом байдарки была приделана тюленья шкура в виде мешка, которая при помощи длинного ремня укреплялась вокруг тела». Благодаря такому приспособлению ни одна капля воды не могла попасть внутрь байдарки.

Моряки сумели также узнать, что «к плаванию по морю на таких байдарках местные жители приучаются с детства и умеют с таким искусством сохранять равновесие, что могут даже при довольно сильных ветрах разъезжать с одного острова на другой».

Оказалось, что стрел и лука островитяне не имеют. Верхняя одежда их была сделана из китовых кишок, штаны — из тюленьих шкур, а шапки — из шкур морских львов. Шапки были украшены перьями. В носках они имели траву. Лица большинства островитян были раскрашены в красный цвет, у некоторых же были синими. Русские моряки подметили, что «ростом они были довольно высоки и хорошо сложены»².

Так прошла первая встреча русских с жителями одного из Шумагинских островов.

6 сентября утром со «Св. Петра» заметили семь байдарок, две из них подходили к самому борту корабля. В знак дружбы островитяне привезли русским две шапки и палку в пять футов длины, на конце которой были прикреплены перья различных птиц. Моряки пакетбота также сделали подарки своим знакомым. После этого гости отправились обратно. Выйдя на берег, они стали о чем-то кричать.

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 164.

² Там же, стр. 67.

Такой же крик подняли они, когда пакетбот поставил паруса и стал уходить. Повидимому, они хотели пожелать нашим морякам счастливого плавания.

С 6 сентября по 5 ноября дули преимущественно западные ветры (только иногда ветер заходил с восточных румбов), что затрудняло плавание «Св. Петра».

В течение всего этого времени стояла облачная погода с постоянными туманами. По две-три недели не видно было ни солнца, ни звезд. При тогдашних навигационных средствах моряки были совершенно лишены возможности определять свое местонахождение.

«Мы должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые, не знающие, слишком ли быстро или слишком медленно они передвигаются и где вообще находятся...»¹. Плавание по неизведанным водам было в то время сопряжено с большими опасностями, оно требовало исключительного напряжения всех сил экипажа небольшого корабля. Целыми сутками люди не получали отдыха. Кроме того, итти пришлось против встречных ветров.

25 сентября взорам мореплавателей представилась земля с высокими горами; вблизи земли было множество мелких островков. Вдали возвышалась очень высокая гора, которую нанесли на карту и назвали горой Св. Иоанна. Отсюда был взят курс на северо-восток.

От шторма и сырости многие болели, «они до такой степени были разбиты цынгой, что большинство из них не могло шевельнуть ни рукой, ни ногой и тем более не могло работать», — рассказывает Ваксель.

Из-за недостатка продуктов пришлось сократить нормы питания. Почти ежедневно кто-нибудь умирал.

Дул западный ветер, и «Св. Петр» лег в дрейф. 12 октября было определено, что «Св. Петр» находится в 48°12' с. ш. Ветер стал стихать. Решено было повернуть на запад. Вскоре были замечены три небольших острова, которые также обозначили на карте и назвали островами Св. Маркиана, Св. Стефана, Св. Авраама.

В дальнейшем плавание становилось все более тяжелым. Управлять парусами было почти некому. Кроме того, паруса износились, а заменить их было нечем. Капитан-

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 68.

командор давно уже не поднимался с койки и никакого участия в управлении кораблем не принимал. Была потеряна всякая ориентировка.

Лейтенант Ваксель дал очень яркое описание положения на корабле. «Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту. Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменять у штурвала».

К тому же была осень. Дули сильные ветры, постоянно шли дожди, выпадал снег, град. Самое же ужасное заключалось в том, что никто не знал, где находится корабль. Это сознание неизвестности действовало на моряков очень угнетающе. В любую минуту можно было выскочить на берег, и все ждали последнего, губительного для корабля удара. «Мы испытывали самые ужасные бедствия... наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать», — записал Ваксель.

Несмотря на полную безнадежность положения, люди напрягали последние свои силы, делали все, чтобы спастись. Неожиданно 4 ноября моряки заметили землю — высокие, покрытые снегом горы. Не имея возможности определить по солнцу ни широту, ни долготу своего местонахождения, моряки приняли эту землю за Камчатку.

«Невозможно описать, — замечает Стеллер, — как велика была радость всех нас, когда мы увидели берег, умирающие выползали наверх, чтобы увидеть его собственными глазами... Даже больной капитан вышел наверх. Все осведомлялись о здоровье друг у друга, все надеялись найти отдых и успокоение, нашли даже спрятанный где-то бочонок с водкой, которым еще более усилили радость. Открывшаяся земля казалась Камчаткой. Моряки хвалились в своем неведении: будь хоть тысяча мореплавателей никто не пришел бы вернее к цели.

Уже нетерпеливые взоры различают характерные очертания Авачинской губы, называют отдельные горы,

мысы. Скорее, скорее на берег, но чем ближе к берегу подходит корабль, подгоняемый засвежившим ветром, тем более растет недоумение. Пустынный, безлесный берег совершенно не похож на Авачу и ее окрестности».

5 ноября Беринг, совершенно ослабевший от цынги, созвал совет, на который были приглашены Ваксель, унтер-офицеры и прочие служители. Обсуждался вопрос, — что же делать дальше?

Команда находилась в тяжелом состоянии, из всего экипажа «только три человека о себе с нуждой ходить могли».

Кроме того, сильно ощущался недостаток провианта и пресной воды. Продолжать дальнейшее плавание было невозможно. Участники совета единодушно решили «за невозможностью управления судна работными людьми, понеже служителей весьма много больных от цинготной болезни, недвижимых с мест, а которые хотя в числе здоровых, токмо отехчены той же болезнью, с трудом великим на вахту выходят, и верхние работы некому исполнять. К тому же многие снасти подорваны, и воды пресной малое число, с которым отлучатца от берегу весьма опасны; и на оное согласно положили не отступя благополучного ветра, следовать к видимому берегу, чтобы спасти судно и служителей, а по силе упоминаемого взяли курс NtW к видимому берегу с 9 часа с полунощи». Подведя корабль к берегу, моряки спустили на воду лангебот и начали перевозить на остров больных. Это было сопряжено с огромными трудностями. К 22 ноября все перебрались на остров, а пакетбот оставили на якоре без людей, потому что караул держать было некому. Вскоре пакетбот сорвало с якоря и выбросило на камни.

За время высадки на берег погибло еще несколько человек из самых тяжело больных. Беринг так сильно ослабел, что совершенно не мог двигаться без посторонней помощи. Он уже давно понял, что земля, на которую они высадились, — не Камчатка, но скрывал эту истину от своих подчиненных, которые все еще на что-то надеялись.

Как только моряки перебрались на берег, решено было обследовать, что это за земля. Для этой цели были созданы два отряда, один из которых направился на юг,

а другой — на север. Моряки нигде не встречали ни тропинок, ни остатков костров. Зато морских бобров, песцов всюду попадалось очень много. Заметив человека, они спокойно продолжали лежать на побережье. На этом основании моряки пришли к убеждению, что земля не обитаема и что она является островом. Чтобы удостовериться в этом окончательно, несколько человек отправились в глубь страны. Пройдя две мили, они встретили на своем пути гору и, взобравшись на нее, на западе увидели открытое море. Всем стало ясно, что земля, у берегов которой «Св. Петр» сел на подводные камни, есть остров; «это известие подействовало на всех наших людей словно удар грома. Мы ясно поняли в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель»¹.

Моряков страшило то, что на острове, кроме тальника, нет деревьев. Следовательно, построить новое судно здесь не было возможности. Провианта, лекарства, жилья здесь также не было. Мореплаватели оказались в самом безвыходном положении.

Земля вся была покрыта снегом. Надвигалась пора сильных морозов. Всем угрожала голодная смерть.

Прежде всего необходимо было создать запасы продовольствия и построить жилье. Запасов муки ничтожно мало. С весны решено было включить в питание траву. Все получали одинаковый паек, независимо от звания и положения. Многие из состава экипажа тяжело болели. Нередко живым приходилось подолгу лежать рядом с трупами, так как ни у кого не было сил вынести покойников из землянки.

8 декабря скончался капитан-командор Беринг. За несколько часов до смерти Беринг приказал закопать себя по горло в землю, чтобы согреться, — так он и умер, уже почти похороненный, оставляя своих товарищей в самом бедственном положении.

Так был окончен жизненный путь капитан-командора Беринга.

Много неприятностей причиняли морякам ветры. Из-за ветров быстро ветшали палатки, сделанные из парусов. Приходилось зарываться в снег. Порой ветер достигал такой силы, что мог унести человека. «Однажды, — пи-

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 79.

шет Ваксель, — меня самого как-то раз перебросило ветром через крышу нашей землянки, которая была покрыта брезентом..., я ухватился изо всех сил за что-то и закричал во весь голос, призывая на помощь товарищей».

Много лишений перенесли моряки за время зимовки; но с наступлением весны положение не улучшилось, все труднее становилось добывать средства пропитания. Морских бобров стало значительно меньше, кроме того они стали пугливее, и охота за ними нередко оказывалась безуспешной.

Поэтому пришлось перейти на питание морскими котами, которые большими стадами выходили на берег. Мясо их очень жесткое и жилистое и обладает неприятным запахом, но иного выхода не было. В течение двух месяцев питались морскими котами, но в мае и они исчезли. Тогда стали охотиться на тюленей. Однажды на берег выбросило тушу морского кита. Все обрадовались, что запасы продовольствия пополнились.

Во время скитаний на острове удалось убить несколько морских коров (ныне уже исчезнувших), которых прекрасно описал Стеллер. Он писал, что мясо морских коров приятное на вкус, обладает целебным свойством; «от постоянного питания мясом других зверей все мы страдали запорами и тяжестью в желудке, а мясо морских коров действовало противоположным образом, так что мы от него почувствовали большое облегчение».

Наступила весна. Зазеленели лужайки, небольшие долинки. Стали собирать травы; из некоторых варить чай, другие употреблять в пищу. Начав есть зелень, все стали чувствовать себя лучше. Стеллер, как и другие моряки, вел большую научно-исследовательскую работу. Он составил каталог растений острова. Этот каталог содержит 218 различных видов растений. Последующие исследователи подтвердили правильность наблюдений Стеллера. Это говорит о том, что он очень добросовестно относился к выполнению своего научного задания. Он дал красочное описание животного мира. Вот образчик того, как он описывает песцов и все их повадки.

«Из четвероногих сухопутных животных на острове Беринга водится только каменная или полярная лисица (песец). Эта порода занесена туда, несомненно, пловучими льдами и, питаясь выбрасываемыми морем животными, невероятно размножилась. Я имел случай во

время нашего злосчастливого пребывания на острове более чем точно изучить повадки этого животного, по дерзости, хитрости и ловкости далеко оставляющего за собой обыкновенную лисицу. Рассказ об их бесчисленных проделках вполне бы мог соперничать с историей Альберта Юлиуса об обезьянах на острове Саксенбурга. Они пробирались днем и ночью в наши жилища и тащили все, что только способны были унести, даже предметы, явно для них бесполезные, как ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они с таким неподражаемым искусством умели сбрасывать с наших провиантских бочек груз в несколько пудов, чтобы достать из них мясо, что вначале мы не решались приписывать им эти подвиги. Часто случалось, что, снимая шкуру с убитого животного, мы попутно закалывали ножом двух-трех, которые пытались вырвать у нас из рук мясо. Если мы закапывали что-нибудь, хотя бы очень глубоко, и наваливали сверху тяжелые камни, то они не только находили закрытое, но, как люди, сдвигали плечами наваленные камни и, ложась под ними, помогали друг другу изо всех сил. Если мы клали что-нибудь на высокий столб, то они подрывали столб так, чтобы он опрокинулся, или же один из песцов, как обезьяна или кошка, взбирался на верх и с невероятной ловкостью и хитростью сбрасывал спрятанный предмет. Они наблюдали за всеми нашими действиями и сопровождали нас повсюду, куда бы мы ни отправились. Выброшенных морем животных они пожирали раньше, чем мог подоспеть кто-нибудь из людей, и этим нанесли всем большой ущерб; то, чего они не могли съесть на месте, они утаскивали кусками в горы и прятали от нас, зарывая между камнями; так они сновали вперед и назад, пока еще оставалось что тащить. Другие песцы в течение этого времени стояли на страже и караулили, не приближается ли человек. Увидав издали, что идет кто-нибудь из людей, они соединялись все вместе толпой и совместными усилиями зарывали добычу в песок и умели так искусно упрятать целого морского бобра, что невозможно было найти даже следов зарытого зверя. В ночное время, если нам случалось ночевать под открытым небом, они стаскивали у нас с головы шапки, а из-под нас вытаскивали бобровые одеяла и шкуры. Если мы ложились спать на туши убитых морских бобров, желая сохранить их от покушения песцов, они из-под спящего

человека выгрызали у животных куски мяса и внутренности. Мы спали всегда с дубинками в руках, чтобы, проснувшись от их возни, отгонять и бить их.

Где бы мы ни сели в дороге, они ждали нас и в нашем присутствии проделывали тысячи разных проказ, становились все нахальнее, а если мы оставались сидеть неподвижно, подходили вплотную и принимались грызть ремни наших новомодных самодельных сапог, или же грызли даже сами сапоги. Если мы ложились и притворялись спящими, они обнюхивали наши носы, чтобы определить, живы ли мы или мертвы, и если мы задерживали при этом дыхание, то они начинали дергать нас за нос, пытаясь укусить. В день нашего прибытия они успели, за то время, что копались могилы, объесть нашим покойникам носы и пальцы рук и попытались даже напасть на наших слабых и больных, так что еле удалось их отогнать. Каждое утро эти нахальные животные обходили стада лежащих на берегу сивучей и морских котов, обнюхивая спящих, не найдется ли среди них мертвого зверя. Найдя такого, они немедленно разрывали его на куски, и вся стая принималась таскать мясо. Так как, в частности, сивучи нередко дают во сне своих детенышей, то песцы, как будто зная это, каждое утро проверяют стада сивучей, одно животное за другим, и найдя мертвых детенышей, немедленно утаскивают их прочь¹.

Моряки с любопытством наблюдали за всеми повадками животных, особенное внимание привлекал морской бобр.

Морской бобр очень красивое животное. Его мех, напоминающий мех соболя, имеет серебристый блеск. Вес бобра достигает 50 фунтов. Он имеет два плавника и большую часть времени проводит в воде, но потомство свое выводит на суше. Самка очень привязана к своему детенышу и никогда не покидает его. Во время зимних штормов бобры выходят на берег. В это время обычно на них и охотятся. Стеллер пишет: «Это грациозное и привлекательное животное, повадки его очень забавны и занятны, и притом это очень ласковое и привязчивое животное. Обычно они лежат на берегу семьями; самец со своей самкой, полувзрослыми животными — кошло-

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 171—172.

ками и совсем еще маленькими сосунками — медведками. Самец ласкает самку, гладит ее передними лапами, как руками, ложится на нее, а она многократно как бы в шутку с показной стыдливостью отталкивает его и забавляется со своими малышами, как самая нежная мать. Любовь их к потомству так велика, что они ради его готовы подвергнуться явной смертельной опасности; лишившись детенышей, они плачут во весь голос, точно маленькие дети, и убиваются до такой степени, что в течение десяти—четырнадцати дней, как мы наблюдали на ряде случаев, становятся худыми, как скелеты, болеют, слабеют и не желают уходить с берега в море. Во время бегства они держат сосунков зубами, а больших детенышей гонят впереди себя. Если им удастся убежать от преследователей, то, достигнув моря, они начинают насмехаться над ними так, что невозможно видеть их ужимки, не испытывая величайшего удовольствия. Они то поднимаются в воде, становясь вертикально, как человек, и танцуют на волнах, а иной раз подносят передние лапы ко лбу и держат перед глазами, как бы всматриваясь в кого-то против солнца, то бросаются на спину и чешут себе передними лапами брюхо, на подобие обезьян, затем кидают детенышей в воду и снова их ловят и так далее»¹.

Не меньший интерес вызвал также морской кот. По своим размерам он превосходит морского бобра. Встречаются коты весом до четырехсот-пятисот фунтов. Вес самки достигает от двухсот до трехсот фунтов. Они имеют жесткие волосы-усы и по два плавника. Меха котов имеют серый цвет.

Каждая самка приносит одновременно не более двух детенышей, которые питаются материнским молоком.

Замечательное зрелище представляет морской лев-сивуч. Встречаются львы очень крупных размеров: длиной в двадцать—пятнадцать футов. На берег они выходят редко. Преимущественно они обитают на подводных камнях. мех льва имеет желтоватый цвет. А мясо его пригодно к употреблению.

С наступлением весны нужно было решить, как поступить в дальнейшем. Снять с мели и отремонтировать

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 170.

корабль было очень трудно, почти невозможно. Однако матрос Дмитрий Овцын, отличавшийся исключительной смелостью и инициативой, высказал твердое убеждение в возможности поднятия пакетбота и подготовки его к плаванию. Свое предложение он глубоко обосновал в специальной докладной записке Вакселю. В этом документе, где подробно изложены способы спасения корабля, особенно ярко выявляется черта русского человека, который в самые трудные минуты жизни прежде всего думает о том, чтобы не нанести материального ущерба своей стране. Однако, под давлением Вакселя, предложение Овцына было отвергнуто. Но Овцын, уверенный в справедливости своих предложений, так и не подписал решения, принятого консилиумом. Некоторые предлагали послать на Камчатку шлюпку и ждать оттуда помощи. Такое предприятие было рискованно, поэтому было решено разобрать пакетбот и сделать новое небольшое судно. В апреле приступили к разборке и снятию такелажа. К концу месяца эта работа была, в основном, завершена. Наступил момент закладки нового судна, но здесь неожиданно встретилась новая трудность. Среди экипажа не осталось в живых ни одного плотника. При выходе в плавание на борту корабля было три плотника, но все они умерли. Трудность казалась непреодолимой. «Мои собственные познания в судостроительном деле были не особенно велики, и я никак не мог решить, кто бы мог мне в этом помочь», — писал Ваксель.

Собрав всю команду, Ваксель обратился к своим подчиненным, не знает ли кто плотничье дело, и тут вызвался сибирский казак, уроженец г. Красноярска Савва Стародубцев. Он участвовал в постройке обоих пакетботов в Охотске в качестве простого рабочего. Стародубцев заявил, что он, если ему будут указаны необходимые пропорции, может построить судно такой крепости, что можно совершенно безопасно идти в море.

В мае 1742 г. заложили киль, поставили и укрепили форштевни и ахтерштевень. Вечером по случаю закладки командир пригласил всех членов экспедиции к себе на обед. Каждый пришел со своей ложкой и плоской. Угощение состояло из китового жира и ржаных лепешек.

На следующий день моряки дружно принялись за работу. Для постройки было отобрано 20 человек из самых

сильных, которые могли лучше колоть дрова. Остальным было поручено ходить на охоту на морских зверей.

Работа приближалась к концу. Длина гукора — небольшого судна, названного тоже «Св. Петр», — равнялась по килю сорока футам, по ширине тринадцати футам, по высоте шести футам. Киль сделан был из грот-мачты пакетбота. В кормовой части судна была сделана каюта для командира и трех офицеров. В носовой части соорудили камбуз.

10 августа состоялся торжественный спуск корабля на воду.

Отмечая очень большие заслуги сметливого казака Саввы Стародубцева в постройке судна, Ваксель впоследствии писал: «Должен заявить также, по справедливости, что этот человек оказал мне очень большие услуги, и едва ли удалось бы мне справиться с делом без его помощи».

По представлению Вакселя Стародубцев был награжден «Енисейской канцелярией званием сына боярского, т. е. произведен в сибирское дворянство»¹.

13 августа негостеприимный остров был покинут.

14 августа моряки заметили южную оконечность острова Беринга, которой дали название мыса Манати (морской коровы); 27 августа гукор «Св. Петр» бросил якорь в Петропавловской гавани.

* *
*

Вернемся теперь к плаванию Чирикова.

Разлучившись с Берингом, Чириков направился сначала на восток, а потом на восток-северо-восток.

11 июля с корабля «Св. Павел» стали замечать уток, чаек, тюленей, плывущий лес. Все это говорило о близости земли.

Спустя три дня на 55°36' с. ш. мореплаватели увидели землю. Чувство волнения охватило отважных моряков.

По мере приближения к матерiku, стали более отчетливо вырисовываться берег, очертания гор, леса. Но что это за земля — никто не знал.

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 93.

Оказалось, что это был остров, расположенный западнее острова Принца Уэльского, у южного побережья Большой земли, т. е. Аляски. Побережье изрезано множеством бухт, заливов.

Теперь уже Чириков был уверен, что он достиг Америки. «Признаваем без сомнения, что оная часть Америки, ибо по картам издания Иоанна Баптиста Гоммана (издана 1712 г.) и по прочим от сего мест отстоят уже не очень далече известные некоторые американские места», — писал Чириков. И он приказал «положить на карту плавания и описи нашей сделанную, к предложению при сем государственной адмиралтейств-коллегии с карты помянутого географа Гоммана и с карты профессора астрономии де ла Кройера, некоторые американские места, а именно: «Северный край Калифорнии, устье реки Мазамблека, да часть внутреннего восточного берега форта Гудзонского»¹.

15 июля бушевавший шторм прекратился. Packetbot бросил якорь в расстоянии трех миль от берега. Отсюда Чириков направил лангебот к берегу с тем, чтобы отыскать удобную бухту для стоянки. Однако, несмотря на все усилия, удобной бухты найти не удалось.

Подойдя к берегу километра на три, Чириков приказал измерить глубину, чтобы найти место для якорной стоянки, но подходящего места не нашлось. «Понеже везде глубина воды была близ 70 сажен и больше».

Мореплаватели с интересом рассматривали землю. Это была страна высоких гор, вершины которых покрывали вечные снега. У подножья гор «виден был лес великого роста».

Для более детального ознакомления с Америкой нужно было во что бы то ни стало найти бухту.

Заметив какой-то залив, Чириков послал квартирмейстера Григория Трубицына на шлюпке «с осьмью человеки служителей осмотреть оную заливу, можно ли в нее пакетботом войти и стать на якорь»².

Трубицын, подойдя к берегу на 60 сажен, при помощи лота несколько раз измерил глубину. У берега она равнялась 40 саженям. Он сообщил, что бухта прикрыта с востока и севера, но от южных и западных ветров не

¹ Экспедиция Беринга, стр. 275.

² Там же, стр. 275.

защищена. Поэтому Трубицын в своем письменном рапорте высказал мнение, что этот залив непригоден для якорной стоянки. Трубицын сообщил также, что он видел на берегу много морских зверей-сивучей, «на горах-де растет великий лес ельник, пихтовник и сосняг, а жилья-де людского не видал».

С наступлением сумерек «Св. Павлу» пришлось отойти от берега, чтобы в ночное время не наскочить на камни. Воспользовавшись благоприятным ветром, «Св. Павел» повернул на север. В течение двух дней корабль двигался вдоль американских берегов; с него производились наблюдения.

Поднявшись до 58° с. ш. моряки отметили, что снега стало значительно больше.

Чириков предполагал, что он входит в область более холодного климата: «и я опасаясь, чтоб, не учиня надлежащего разведывания, не пройтись теплой климаты, в какой чаятельно всему лутчему находиться, нежели в местах холодных... флочкиго мастера Авраама Дементьева с десятью человеки служителей вооруженные на берег».

Все офицеры «Св. Павла», с которыми Чириков всегда держал совет, согласились с решением своего начальника. Они не только глубоко уважали его, но безгранично верили ему и каждый охотно брался за любое, самое трудное дело, сопряженное нередко с огромными опасностями. Это поручение взялся бы выполнить любой, но Чириков выбрал именно Дементьева. Чириков не случайно остановил свой выбор на Дементьеве, который был известен своей находчивостью, наблюдательностью, исключительной отвагой и выносливостью. В самые опасные моменты плавания Дементьев сохранял полное хладнокровие, и все его действия отличались спокойствием и обдуманностью.

Отправляя Дементьева, Чириков дал ему подробную инструкцию. Дементьеву поручалось найти место, «где б ботом можно пристать». Если же ему посчастливилось бы найти бухту, пригодную для якорной стоянки бота, он должен был измерить лотом ее глубину, определить пути входа и нанести свои наблюдения на карту.

О возвращении следовало оповестить двумя выстрелами из пушки. Пристав к берегу, Дементьев должен был узнать, кто живет на неизвестной земле, кому она при-

надлежит, численность ее населения и образ правления. При встрече с обитателями неведомой земли рекомендовалось относиться к ним дружелюбно: «...ежели жителей увидите, то являть к ним приятность и дарить подарками небольшими». Для этой цели Дементьеву были даны: один медный котел, один железный, двести кроликов, куски китайской материи, иголки и т. д. «Да от меня поручается вам десять рубликов, которые лаская здешним народам, по рассуждению вашему, давать»¹, — путешествовал Чириков.

В другом месте инструкции Чириков еще раз обращает внимание Дементьева на необходимость не допускать действий, которые бы произвели неблагоприятное впечатление о русских на местных жителей, — «ежели жители будут обращаться неприятельски, то от них обороняться и, как возможно скорее на судно возвращаться, а самому никакого озлобления им не делать и служителей до того не допускать».

Но этим не ограничивался круг задач, поставленных перед Дементьевым. Чириков стремился собрать как можно больше сведений о земле, открытой им, его интересовала ее фауна, флора, ископаемые богатства.

Вот почему Дементьеву было поручено узнать: какие травы растут на берегу, нет ли драгоценных камней «и земли, в которой можно чаять быть богатой руде». И эту обширную программу исследования Дементьев должен был выполнить в течение суток.

В случае, если удастся высадиться на берег, Дементьев должен был «раскласть большой огонь» так, чтобы можно было заметить с пакетбота.

Но Дементьев не вернулся к условленному сроку. Прошел день, другой, третий, а его все не было. Чувство тревоги овладело каждым. Моряки строили всевозможные предположения о судьбе своих товарищей. Одни предполагали, что лангебот перевернулся и находившиеся в нем люди утонули; другие высказывали мысль, что Дементьев и его команда погибли от руки жителей неизвестной земли.

В течение пяти суток «Св. Павел» держался под парусами вблизи залива, куда направилась шлюпка. День и ночь велось наблюдение за горизонтом в ожидании

¹ Экспедиция Беринга, стр. 276.

условного сигнала — зажженного костра на берегу. Но все было напрасно. Тревога все росла.

На шестой день начался проливной дождь, поднялся сильный ветер. Пакетбот бросало из стороны в сторону. Но горсточка моряков, заброшенная на край света, не сдавалась. Ветром «Св. Павла» отнесло на значительное расстояние от залива. Из-за спустившегося тумана вести дальнейшие наблюдения оказалось невозможным.

23 июля наступил штиль. «Св. Павел» приблизился к тому месту, где он находился шесть дней назад. И вот, ровно через семь дней там, где, как предполагали, высадился Дементьев, мореплаватели заметили огонь. Этот огонь вселил в них надежду, что с посланными все благополучно. «Увидели на берегу огонь, о котором чаяли, что оной содержат посланные от нас служители, ибо сколько подле земли не шли, нигде на берегу огней, строения и при берегу судов не видали, почему не очень чаяли, чтобы были жители на оном месте»¹.

Был дан приказ палить из пушек. В ответ на этот сигнал огонь на берегу разгорелся ярче. Однако на выстрелы никто не отзывался.

Чириков созвал обер- и унтер-офицеров на совет. После долгих обсуждений все пришли к заключению, что лангебот поврежден и потому Дементьев, несмотря на благоприятную погоду, не выходит в море; «того ради согласились все... и подписку учинили, чтоб послать на малой лодке для починки бота плотника да конопатчика с принадлежащими к починке вещами, а для свозу оных возимел самовольно желание боцман Сидор Савельев да вприбавок для гребли дан в помощь матрос Фадеев, который также сам на берег похотел ехать».

Чириков дал боцману письменное указание: «прибыв на берег учинить огнем сигналы о своем прибытии и в каком состоянии бот со служителями показать разными огнями, и чтоб он, оставя там конопатчика для починки судна, сам ничего не мешкая, взял с собой мастера и служителей сколько можно возвратился к пакетботу, чего ради мы весьма близко подходим к берегу, где уже от берегу великое волнение ходило, из которого мы с трудом выходили понеж паруса от волнения мало действовали»².

¹ Экспедиция Беринга, стр. 277.

² ЦГАВМФ, ф. Архива гидрографии, д. 98, л. 120/об. — 121.

Погода была на редкость хорошая для тех мест. Лодку быстро спустили на воду. Сидоров со своими людьми, отвалив от судна, двинулся к берегу. «Св. Павел» следовал некоторое время за ними. Все внимательно следили за постепенно удалявшейся лодкой. Около шести часов вечера она приблизилась к берегу. Однако боцман, как пишет Чириков, «определенных от меня сигналов не чинил и в чаятельное время к нам не возвратился». С большим нетерпением мореплаватели ждали условного сигнала. Но все ожидания оказались тщетными. Тогда пакетбот направился к берегу. Чириков рассчитывал, что вблизи берега он найдет место для якорной стоянки. Приблизившись к берегу на две версты, командир приказал бросить лот. Глубина была 65 сажен «и грунт почти везде плитник, и оказались во многих местах сверх воды и подводные камни»¹.

Дальше путь был закрыт. Стать на якорь из-за больших глубин также не представлялось возможным.

Определив свое местонахождение, мореплаватели легли в дрейф, искусно лавируя в опасном месте. Каждую минуту судно течением могло быть отнесено на подводные камни и разбито. Приходилось поминутно рисковать жизнью. Но никто не падал духом. Невзирая на бессонные ночи, недоедание, мучительную цыngu, каждый силился исправно нести свои обязанности. С великим нетерпением ждали возвращения Дементьева с хорошими вестями, на которого Чириков возлагал большие надежды, как на одного из лучших и храбрейших своих офицеров. Все помыслы его были направлены к тому, чтобы как можно более подробно исследовать новую землю, и Чириков, несмотря на все усиливающиеся трудности, не отступал от своей цели.

25 июля пополудни с корабля были замечены две лодки, идущие от губы, куда были посланы лангебот и лодка; одна из них была малая, другая побольше. Мореплаватели надеялись, что это их бот и лодка возвращаются, и «Св. Павел» пошел им навстречу. «Подойдя совсем близко к малой лодке, рассмотрели, что лодка гребущая не наша, пониже корпусом остова и гребля не распахная, а гребут веслами с бортов»². Морякам

¹ Экспедиция Беринга, стр. 276.

² ЦГАВМФ, ф. Архива гидрографии, д. 98, л. 121/об.

удалось разглядеть в малой лодке 4 человека, один на корме, остальные гребли. Лица людей рассмотреть из-за большого расстояния было невозможно. Но видно было, что на одном из гребцов платье красное. Люди, находившиеся в лодке, встали и стали кричать: «агай», «агай», «агай» и махать руками. Затем тотчас же повернули к берегу.

Чириков хотел во что бы то ни стало узнать, что это за люди и «приказал махать белыми платками и кланяться, чтобы они к нашему судну подъехали, что и чинено было от многих служителей». Но неизвестные морякам люди с берега не обращали ни на что внимания, уходили к берегу, и вскоре скрылись в заливе, из которого вышли.

Чириков пришел к убеждению, что «американцы захватили или убили Дементьева, боцмана и всех остальных русских». Такого же мнения был и Ваксель. «Можно предполагать с полным основанием, — писал Ваксель, — что, когда они подошли к берегу, американцы, вероятно, спрятались, и что люди, прибывшие на лодках, не подозревая о грозящей им при высадке на берег опасности, разошлись в разные стороны за водой, за ягодами и плодами или по другим надобностям. Таким образом, они, надо полагать, были разобщены друг от друга, когда американцы, улучив наконец, удобное время, появились вдруг между ними и лодкой, преградив обратный путь.

Если бы около лодки осталось большинство людей или даже хотя бы шесть или семь человек, то, имея при себе столько оружия и пороха, они в течение долгого времени могли бы удержать на расстоянии даже несколько сот диких американцев, которые, вероятно, не обладали огнестрельным оружием, в крайнем случае, они могли отчалить от берега»¹. Это объяснение Вакселя является правдоподобным.

Судьба 15 русских моряков долго привлекала внимание ученых. Однако до сего времени нет единого мнения о постигшей их участи. Одни ученые высказывают предположение, что обе группы моряков попали в водоворот, возникший в результате приливов и отливов, и по-

¹ Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Беринга, стр. 103.

гибли в морской пучине. Так, академик Л. С. Берг указывает, что «агай» означает у племени тлинкитов — «иди сюда» и что это племя, впервые увидевшее европейцев, не могло относиться к ним враждебно. В обоснование того, что моряки утонули, он ссылается на тот факт, что во время путешествия французского мореплавателя Ла-Перуза две лодки последнего погибли в водовороте. Другие ученые разделяют мнение Чирикова.

Запасы продовольствия и пресной воды на пакетботе иссякли. Приходилось экономить каждую каплю. Питались только кашей, которую варили один раз в день. Пресную воду «употребляли для питья и то не удовольствием», — писал Чириков Шпанбергу.

Чтобы пополнить запасы пресной воды, стали перегонять морскую воду.

Длительное недоедание подорвало здоровье большинства участников экспедиции. Почти все болели цынгой, «а служители уже пришли все в крайнюю болезнь, и многие лежали. И достальные через великую силу ходили».

Хотя задачи, поставленные Чирикову, еще не были полностью выполнены, но он вынужден был повернуть на Камчатку.

26 июля «Св. Павел» шел при попутном ветре на широте $58^{\circ}21'$ вблизи берегов Большой земли. Вблизи бухты Лытук взорам мореплавателей предстал величественный хребт Св. Ильи. Он был покрыт глубоким снегом. С южной стороны этого хребта, у самого берега, высились огромные каменистые пики, их высота достигала шести тысяч метров. Мощные ледники и глубокие снега спускались до 600 метров над уровнем моря. «Голые скалы, обширные пространства снегов и льдов, обрывистые пики и гребни, подымающиеся почти до 3 000—3 600 метров высоты над морем, являют зрелище, равное коему по величию вряд ли найдется где-либо на земле»¹.

27 июля стояла облачная погода, шел дождь, и, так как в запасе оставалось всего сорок пять бочек, Чириков приказал «стекающую с парусов и с снастей воду собирать в посуду и употреблять для питья понеже и прежде своевольно служители збирали воду и пили без вреда»².

¹ Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, стр. 311.

² ЦГАВМФ, ф. Архива гидрографии д. 98, л. 121/об.

Чириков собрал совет, чтобы обсудить, можно ли идти далее.

В распоряжении экипажа не было ни одного малого судна, и, следовательно, экспедиция лишена была возможности проводить разведку берега и пополнять запасы пресной воды, которой оставалось так мало. Все пришли к единодушному заключению, что дальнейшее плавание бесполезно. «Того ради... положили, чтоб для вышеописанных резонов далее пути своего не продолжать и сего числа возвратиться к здешней гавани святых апостолов Петра и Павла»¹.

Итак, 27 июля «Св. Павел» повернул на Камчатку.

За время плавания Чириков осмотрел американское побережье общей протяженностью около 400 верст. Он собрал ценные сведения о животном мире и растительности побережья Северо-западной Америки. Будучи человеком весьма наблюдательным, он подметил, что животный мир Тихого океана чрезвычайно разнообразен: «...видели китов, сиучей, моржей, свинок, птиц, уток белоплеких (sic) множество да другою роду, у которых красные кривые носы, и чаек множество разных родов», — писал Чириков².

Совершенно точно охарактеризовал А. И. Чириков особенности американского побережья. «По земле оной, — писал Алексей Ильич, — везде высокие горы и берега к морю имеет крутые и весьма приглубы; а на горах близ того места, где пришли... лесу довольно большого росту, на них же и снег изредка виден был, а что севернее шли, то больше на горах снегу оказывалось».

1 августа на северо-востоке мореплаватели заметили землю.

Это был Кенайский полуостров. «По земле оной везде нераздельные горы и покрытые снегами». Далее Алексей Ильич делает любопытный вывод. Он утверждает, что лежащая перед ним земля является продолжением той, мимо которой они проплыли в предыдущие дни.

К такому заключению он пришел на том основании, что формы органического мира совсем не изменились. «А признаем, что оная земля, от которой мы возврати-

¹ Экспедиция Беринга, стр. 278.

² Там же, стр. 279.

лись, с сею нераздельна, ибо во все дни видели довольно птиц чаек и уток и траву носящуюся по морю, какая растет у берегов морских».

В последующие дни «Св. Павел» удалился от берега на довольно значительное расстояние. Из-за тумана земля скрылась из виду. 2—3 августа, когда туман рассеялся, перед взорами мореплавателей вновь открылась земля.

К 4 августа глубина достигла 90—93 сажень, и земля вновь скрылась из виду. Однако крики птиц, доносившиеся до мореплавателей, и своеобразный цвет воды свидетельствовали о ее близости.

Тем временем запасы пресной воды еще более сократились. В то же время продолжали дуть встречные ветры, которые затрудняли движение пакетбота. Когда удастся возвратиться на Камчатку, — предположить было невозможно. Чириков с согласия своих офицеров приказал «для скудности воды варить про людей два дни по одной каше, а токмо в третий обычайно две каши и для питья давать каждому человеку мерою, которою могли токмо жажду удалять; так же и про всех офицеров приказал варить кушанье по однажды в день».

Вынужденный экономить пресную воду, Чириков делал все возможное, чтобы сколько возможно облегчить лишения своих подчиненных, и «для настоящей нужды в дождливые дни служители збирали текущую воду с парусов, поставляя ведра и другие (со)суда, которая хотя вкусом от примешания с снастей смолы и горька, точию оную служители пили охотно, понеже они еще до настоящей нужды дождевую воду опробовали; и сказывали, что им она здорова, рассуждая, будто смольною горестью цынгу выгоняет»¹.

А чтобы люди от сокращения нормы пищи не ослабели, Чириков приказал, сверх определенной порции, давать по чарке простого вина. «А понеже ветры противные весьма продолжались, а у нас надежды никакой не было чтобы получить воды в прибавок, а от здешней гавани обретались весьма далеко, тогда приказал я дабы людем через день давать по одной каше». Но никто не роптал против такого решения командира. Все понимали, что

¹ Экспедиция Беринга, стр. 280.

спасение всех, судьба каждого зависит от того, хватит ли воды, чтобы продержаться до возвращения на Камчатку, — «чего люди для сбережения воды и сами желали и пробавлялись сухарями с маслом».

Для варки соленого мяса использовалась морская вода.

Продолжая путь, 8 сентября мореплаватели неожиданно оказались вблизи берега. Ветер прекратился, наступил полный штиль, и пакетбот оказался так близко к берегу, что моряки едва успели бросить якорь. Ранним утром следующего дня все увидели, что лишь счастливая случайность помогла им спастись от смертельной опасности. Пакетбот стоял у каменистого берега. Накануне его каким-то чудом занесло в небольшую бухту. Впоследствии выяснилось, что «Св. Павел» находился близ о. Адак, самого большого из группы Андреяновских островов, входящих в открытую Чириковым и Берингом Алеутскую гряду, протянувшуюся в виде гигантской цепи скалистых островов от Аляски почти до самых берегов Камчатки.

Ранним утром 10 сентября мореплаватели увидели, что к борту подходят семь небольших лодок; в каждой из них сидело по одному человеку.

Лодки были длиной приблизительно 15 футов, шириной — 3 фута. Внимание мореплавателей привлек внешний вид лодок, носовая часть которых была очень острая, а корма тупая. Лодки были обшиты тюленьей или сивучьей кожей и наглухо закрывались, что делало их водонепроницаемыми.

Такие лодки обладают прекрасными мореходными качествами, они могут ходить при любой погоде, при любом волнении.

Гребцы были одеты в рубашки, сшитые из кишок китов или из шкур морских зверей. Они ловко работали двулопастными веслами и быстро приближались к борту пакетбота. Подойдя к нему на расстояние 50 сажен, они стали кричать, «повертываясь на обе стороны не таким обычаем, чтобы разговаривать, а подобно тому, как якуцкие и тунгусские шаманы по своему зловерию шаманят (или колдуют), почему признаваем мы, что и выехавшие к нам люди тогда по своему обычаю шаманили или молились и заговаривались, дабы от нас им вреда никакого не зделалось, а подлинно для чего так странным об-

разом кричали, знать не можно», — записал Чириков в своем судовом журнале¹.

Через несколько минут они перестали кричать и стали переговариваться между собою.

Русские стали им кланяться и махать руками, приглашая островитян подойти к борту, но те не подходили, а лишь разводили руками, подражая движениям человека, растягивающего лук. Из этого моряки заключили, что хозяева острова опасаются как бы в них не стали стрелять с корабля. «И того ради мы им, — записал в своем журнале Чириков, — как возможно давали знать, что от нас никакой противности показано не будет. И прижимая руки к грудям, показывали, что они приняты будут приятельски, причем для ласкания их бросил я к ним чашку китайскую, чтобы приняли в знак дружбы, которую из них один человек с воды поднял и взял оную в руки, махая, ис чего можно было догадаться, что ему не надобно, и хотел оною бросить назад к нам на судно»². Моряки стали делать знаки, чтобы островитянин взял чашку себе, но он бросил ее в воду.

Чириков приказал отрезать два куска материи и бросить в воду, приглашая жителей острова подойти к судну. Те подняли материю, подержали немного в руках, но затем тоже бросили в воду.

Но Чирикову все же хотелось чем-то заинтересовать этих людей.

Обладая большим запасом всевозможных товаров для одаривания, он приказал вынести на палубу иглы, шары, трубки, кроликов. Приглашая островитян на борт корабля, моряки старались всеми средствами убедить их, что им никакой обиды учинено не будет. Затем стали показывать знаками, что экипаж судна не имеет пресной воды, и просили их о помощи. Наконец одна лодка подошла к пакетботу, ее владельцу дали табак. Убедившись, что никакой опасности нет, стали подходить к судну и остальные лодки; их владельцев одаривали колокольчиками, иглами, кроликами. Жители Адака охотно принимали подарки и разными знаками показывали, что им нужны ножи. Чириков приказал дать один нож; гости очень

¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке, Географгиз, М., 1947, стр. 107.

² Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке, стр. 107.

обрадовались, перехватывали его друг у друга и настойчиво требовали еще ножей. Моряки, в свою очередь, усиленно просили новых знакомых к себе на корабль, но никто не шел. Затем островитянам решили дать небольшой бочонок и попросили их привезти пресной воды.

Однако, бочонка они не приняли, но показывали морякам большие надутые пузыри, повидимому, пообещав доставить в них воду. Тотчас две лодки двинулись к берегу.

Вскоре они вернулись, доставив в пузырях пресную воду и, подойдя к пакетботу, стали передавать один пузырь с водою, требуя за это ножей. Чириков приказал дать им нож. Один из островитян нож взял, но пузырь с водой передал своему товарищу, показав знаком, чтобы и тому, и третьему, сидящему в лодке, дали по ножу за один и тот же пузырь.

Человек весьма наблюдательный, Алексей Ильич в своем журнале дал краткое, но точное описание внешнего облика островитян, подметив самые характерные для них черты.

«А собою они мужики рослые, лицами похожи на татар; видом бледны, а знатно, что здоровы, бороды почти у всех нет от природы или выщипывают... только двух или трех человек видели с бородами коротенькими; в носках имеют все коренья воткнуты, от чего у иных и кровь текла. На головах они у себя имеют вместо шляп сделанные из березовых тонких досок желупки¹, которые разными красками выкрашены и перьями натыканы, а у некоторых наверху привязаны». Желобок (kozyрек) заинтересовал Чирикова, и ему удалось получить этот головной убор в обмен на топор.

Чирикову хотелось добыть как можно больше предметов, характеризующих быт, обычаи и нравы островитян. Ему удалось выменять шляпу из березовой тонкой доски с раскрашенной на ней статуэткой, птичье перо, морского зверя «сиучауса», четыре стрелы, из которых одна была кипарисная. Чириков установил, что эти стрелы используются для охоты за нерпами и другими морскими зверями и птицами. Удалось добыть также «минерал признаваемой антимониум крудум (или сурьма), да три

¹ Козырьки от солнца.

корешка, какие те люди все в носах у себя при выезде к нам имели, также и ели тоже коренья и нас есть потчивали», — сообщал Чириков в Адмиралтейств-коллегис в мае 1742 г.

Чириков взял корешки, чтобы доставить их на родину; взамен же корешков хозяевам велел дать сухарей.

Пробыв несколько часов близ русского корабля, островитяне отправились на берег, но в полдень к самому борту пакетбота подошло уже 14 лодок. Среди подошедших было несколько старых знакомых. И на этот раз моряки зазывали гостей к себе, но никто не решался принять приглашение. Они простояли у корабля около трех-четырех часов и затем удалились. Вскоре поднялся ветер и «Св. Павел» под всеми парусами двинулся в путь.

Положение команды «Св. Павла» было ужасным.

«Люди все стали быть слабы, а по большей части пришла на многих болезнь цынготная, и с великим трудом офицеры по должности своей — управление, а рядовые — работы исправляли, а некоторые уже совершенно слегли и наверх не выходили».

В этих крайне тяжелых условиях Чириков искал средства, которыми можно было бы поддержать здоровье своей команды. «И для такого нужного пропитания и слабости служителей с помянутого 14 числа сентября, чтоб в крайнее изнеможение не пришли люди, приказал давать рядовым, сверх определенной порции вина простого по две чарки на день, а ундер-офицерам — по чарке»¹.

Пресной воды опять нехватало. Порции ее пришлось сократить до минимума.

Еще с 21 августа на корабле варили одну кашу один раз в день. Затем кашу стали варить через день. Кроме каши, питались сухарями и маслом, солониной, отваренной в морской воде. Люди изнемогали от жажды, но беде помочь было нечем.

К середине сентября воды осталось всего 12 бочек. Нужно было расходовать воду еще более бережно. Кашу теперь варили один раз в неделю, воды выдавали только пять небольших чарок на человека. Недоедание, холод, сырость, непосильная работа подрывали здоровье моряков. Почти вся команда болела цынгой. Многие умирали.

¹ Экспедиция Беринга, стр. 280.

Цынгой заболел лейтенант Чихачев. С 20 сентября серьезно заболел сам Алексей Ильич, он не мог даже подняться на командирский мостик. Болезнь свалила лейтенанта Плаутина.

16—18 сентября русские мореплаватели видели много морской капусты и плавающей травы, которая растет у берегов. Это говорило о близости земли. Кроме того, было замечено, что цвет воды имеет зеленоватый оттенок, не похожий на цвет морской воды.

День 21 сентября был особенно радостным для моряков, которые увидели землю. Однако, внимательно всматриваясь в ее очертания, убедились, что ликование было преждевременным.

Замеченная земля была не похожа на Камчатку. Несмотря на то, что почти все были больны, решено было осмотреть неизвестную землю.

Это был предпоследний остров Алеутской гряды — Агатту, а в некотором отдалении находился остров Атту.

Острова эти были гористы. Алексей Ильич высказал интересную мысль, что Алеутские острова являются продолжением Американского материка.

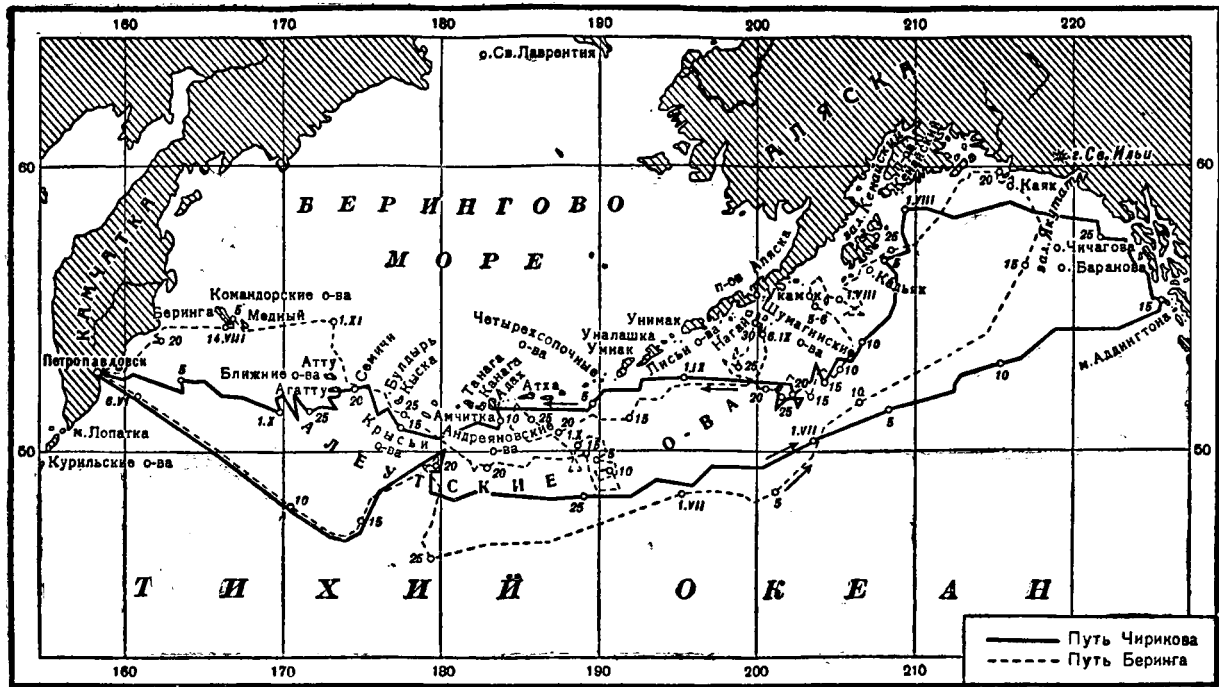
Здесь моряки увидели множество бобров, которых после выхода из Камчатки не встречали.

Чириков считал, что земли, которые он видел 4, 8 и 21 сентября, являются частью американского материка, открытого им под 55° с. ш.

Командование пакетботом принял штурман Елагин. Он тоже плохо чувствовал себя, но не покидал мостика; «...а во управлении судном остался один штурман Иван Елагин. да и тот был весьма болен, но по крайней возможности, преодолевая свою немощь, почти несходно был для управления наверху»¹. Отдавая должное замечательному штурману, Чириков впоследствии писал, что только благодаря Елагину удалось достигнуть берегов Камчатки, так как сам он находился в тяжелом состоянии: «... я весьма от цынги изнемог и находился в отчаянии жизни и уже по обычаю был приготовлен к смерти».

Наконец, рано утром 8 октября моряки увидели родные берега. Показалась Авачинская бухта, но из-за встречного ветра в бухту «Св. Павел» смог войти лишь вечером следующего дня.

¹ Экспедиция Беринга, стр. 283.



Карта плавания А. И. Чирикова и В. Беринга к берегам Северо-западной Америки

Замечательное по своему значению для науки плавание было окончено.

Открытие берегов Северо-западной Америки и Алеутских островов было великим географическим открытием русских моряков.

* *
*

Характеризуя выдающийся подвиг русских моряков, А. Е. Соколов дал высокую оценку плаванию Чирикова. Он писал:

«Итак, открыв Американский берег, полутора сутками ранее Беринга, в долготе одиннадцати градусами далее; осмотрев его на протяжении трех градусов к северу и оставя пятью днями позже; Чириков возвратился в Камчатку — восемь градусов западнее Берингова пристанища — целым месяцем позже; сделав тоже на пути открытие Алеутских островов; во все это время не убирал парусов, и ни разу не наливаясь водою. Тоже претерпевал бури, лишения, болезни, и смертность, более, впрочем, павшую у него на офицеров, чем на низших чинов. Превосходство во всех отношениях разительное. По времени истинное торжество морского искусства»¹.

Если взглянуть на карту плавания «Св. Петра» и «Св. Павла», то сразу же по характеру линий маршрутов можно заметить превосходство Чирикова над Берингом в морском искусстве. Разлучившись с капитаном-командором, Алексей Ильич уверенно идет в район, который был им указан еще до назначения в экспедицию. Принятый Чириковым твердый, без всяких зигзагов, курс показывает, что Чириков был твердо убежден, что американский материк находится именно там, где он предполагал. Беринг же часто менял курс, терял благоприятное для плавания время, не знал местонахождения своего корабля, следствием чего явилась авария пакетбота «Св. Петр».

Но Беринг, хотя и позже Чирикова, также достиг берегов Америки. Нет сомнения, что своими успехами он обязан превосходным качествам русских моряков, сопро-

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записки Гидрограф. департамента, 185, ч. IX, стр. 408.

вождавших его в этом плавании. Их мастерство и выдержка помогли Берингу преодолеть как собственные недостатки, так и неполностью изжитые недостатки западноевропейской школы, в которой он получил первые теоретические знания и практические навыки в морском деле.

Трудное плавание к американским берегам явилось торжеством русского морского искусства, оно показало высокую морскую выучку личного состава пакетбота «Св. Павел» и благородное мужество и моральную силу русских людей. Это плавание показало также, что отечественные судостроители в исключительно неблагоприятных условиях могли создать корабли, которые по своим мореходным качествам и прочности превосходили иностранные. Чириков открыл Америку благодаря своим знаниям и целеустремленной воле, а не по стечению благоприятных обстоятельств, как это пытался утверждать академик Бэр.

Во время плавания к американским берегам и возвращения на Камчатку Чириков сделал ряд ценных метеорологических наблюдений. В своем рапорте Адмиралтейств-коллегии он писал: «Во время ходу нашего от Камчатки до земли американской, которой продолжался через шесть недель, и, хотя оное время состояло в июне—июле месяцах, и в половине июня были в ширине в 46°, точю всегда погода была весьма холодная как в наших местах бывает в глубокую осень, и почти вседневные стояли великие туманы, токмо в некоторые дни в приближных часах к полудню солнце просиявало, а во все шестинедельное время помянутого пути совершенно ясных дней—только было три; также и во время бытности нашей по возврате в августе и сентябре месяцах больше стало быть дней ясных, а сильные ветры по обыкновению осеннему чаще стали веять (однакож при берегах американских большая часть время стояли непогоды, точю по моему признанию удобное время к плаванью по здешнему морю месяц август и половина сентября, нежели июнь и июль)»¹.

Открытие Чириковым берегов Америки внесло огромный вклад в географическую науку. Однако плавание

¹ Экспедиция Беринга, стр. 284.

«Св. Павла» всего лишь положило начало исследованию западных берегов американского континента. Для его подробного изучения предстояло сделать еще очень много, и Алексей Ильич это прекрасно понимал.

* *

*

Еще будучи совсем больным, Чириков весной 1742 г. задумал совершить новое плавание к американским берегам. Это было сопряжено с большими трудностями. Пакетбот «Св. Павел» требовал ремонта. Команда корабля не была полностью укомплектована, «да и ис тех многие не в совершенном здравье, так же что и сам я от полученной в минувшей кампании цынготной болезни чувствовал в себе немалую слабость, понеже зубы по тогдашнее время не все укрепились, и с ног цынготные пятна не сошли». Невзирая на все это, Чириков решил снова плыть к той земле, которую видел в предыдущем году лишь издали и «учинить об ней разведывания, сколько всей возможности нашей будет».

27 мая пакетбот «Св. Павел» при попутном ветре вышел из Авачинской бухты и взял курс на Америку.

9 июня во втором часу пополудни мореплаватели заметили землю. Оказалось, что это остров, а не «соединительная к Америке большая земля», как предполагали ранее. Остров получил имя Св. Федора. В течение шести дней «Св. Павел» лавировал вблизи острова, но подойти к нему из-за тумана и встречного ветра не смог.

Мореплаватели измерили лотом глубину, которая превышала 160 сажен. У берегов обнаружено было много морской капусты, а Чирикову было известно, что эта трава растет в местах, где есть подводные камни. Это делало плавание еще более опасным, и Чириков много бессонных ночей провел на мостике, управляя кораблем. В результате, по собственным словам Чирикова, он «пришел в такую слабость, что уже насилу ходил». Его единственный помощник Иван Елагин тоже выбился из сил. Поэтому было принято решение возвратиться в Петропавловск.

Возвращаясь на Камчатку, 22 июня в 3 часа вечера моряки «Св. Павла» заметили остров, который назвали островом Св. Иулиана; они не знали что на этом острове

томила команда Беринга. Впоследствии этот остров был назван именем Беринга, впервые вступившего на его пустынные и неприветливые берега.

11 июля 1742 г. «Св. Павел» направился в Охотск. В Петропавловске было оставлено 4 солдата из команды пакетбота, которым поручалось ожидать прибытия Беринга. О гибели капитан-командора не было еще известно.

16 июля «Св. Павел» прибыл в Охотск, и Чириков, разоружив пакетбот и сняв мачты, поставил корабль в безопасное место и, оставив для охраны пакетбота 20 человек команды, 24 августа с остальными своими людьми отправился в Якутск.

Из Якутска Чириков послал в Адмиралтейств-коллегию рапорт, в котором рассказал об обстоятельствах, которые заставили его прекратить плавание и прибыть в Якутск.

В Якутске Чириков решил ждать указаний о дальнейших действиях из Адмиралтейств-коллегии. Он считал, что экспедиция полностью поставленных ей задач не разрешила. Однако продолжать работу было невозможно. Нехватало людей, пакетбот нуждался в серьезном ремонте, кроме того, для дальнейшего плавания нужно было построить новые суда, а для этого требовалось доставить строительные материалы и продовольствие в Охотск.

Получив известие о смерти Беринга, Чириков стал во главе экспедиции. При этом ему пришлось вести борьбу против Шпанберга, который стремился захватить руководство экспедицией в свои руки. Письма, адресованные на имя Беринга, он перехватывал и «потому видно, что он Шпанберг вступается в главную над всей камчацкой экспедицией команду, чего ему как указом его императорского величества и не определено», — писал в Адмиралтейств-коллегию Чириков¹.

Шпанберг — «чести великой любитель», — говорит Алексей Ильич, — хотел стать во главе Охоцкого правления, чтобы «командовать всеми и к ясацкому сбору определять и посылать и сам в приказной избе заседать». Алексея Ильича возмущали корыстолюбие и взяточничество Шпанберга. Приказы начальства тот не исполнял;

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 243.

«и как можно мне быть у него Шпанберга в команде у такого непорядочного командира», — писал Чириков¹. Но Чириков заботился в первую очередь не о себе, а об интересах экспедиции. Нужно было во что бы то ни стало сохранить то, что было добыто героическим трудом ее участников, многие из которых погибли. Он считал, что если Шпанберг станет во главе экспедиции, то погубит все.

В своем рапорте от 13 декабря 1742 г. Чириков разоблачал Шпанберга, как человека бесчестного, грубого и жестокого, совершавшего всевозможные злодеяния. Так, осенью 1742 г., по прибытии в Охотск «команды своей морского солдата Федора Буркова в доме своем неведомо за что бил своими руками и ногами топтал смертно, которого так и оставил в Охоцке и будет ли жив неизвестно»².

Свой отчет о плавании от 1742 г. Чириков направил в Петербург с Иваном Елагиным. Этот отчет, к которому были приложены шканечный журнал и карта, Елагин передал гр. Головину. Головин 19 января 1743 г. послал Адмиралтейств-коллегии сообщение о полученных от Чирикова материалах. Придавая экспедиции Чирикова большое государственное значение, Головин писал, что необходимо материалы Чирикова «Содержать в секрете»³, и предложил Коллегии использовать полученный отчет для экстракта, составленного коллегией «о действиях оной экспедиции».

Головин поддержал ходатайство Чирикова о производстве мичмана Елагина в лейтенанты; Елагин во время плавания 1742 г. в период болезни Чирикова фактически исполнял обязанности командира пакетбота, Головин предложил «оного Елагина за такие к неизвестным местам дальнейшие вояжи, в которых он как в пользу высокой ея императорского величества службы також и к спасению всего судна с людьми от чаемой гибели оказал ревностнейшие труды, к тому же и в искусстве по его достоинству аттестован, что всего того судна правление на нем лежало... почитал оную службу и труды за чрезвычайные, произвестъ его без баллотирования по выше-

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 52, л. 246/об.

² Там же.

³ Материалы для истории русского флота, т. IX, стр. 260.

описанному прямо в лейтенанты морские в комплект на имеющиеся ныне вакансии, дабы не только он впредь, но и другие смотря на такое за ревностные труды по достоинству награждение вящею охотою к службе... простираться могли»¹.

В своем отчете Чириков не только обстоятельно излагал научные и практические результаты экспедиции, но и вносил ряд предложений для завершения начатого дела. Учитывая опыт прошлого, он советовал: «чтобы в таких отдаленных и опасных плаваниях иметь взаимную помощь, и надежные производить высадки, необходимо два судна, и ежели «Св. Петр» не возвратится, то надобно построить вместо него новое, такой же величины». Кроме этого, Алексей Ильич предлагает построить еще одно небольшое, но мореходное судно, которое могло бы подходить к берегу. Чириков просил Адмиралтейств-коллегию срочно прислать новых людей для команды пакетбота «Св. Павел» и нового корабля, и выделить новый такелаж в двойном комплекте. Чириков указал, что все это совершенно необходимо для продолжения экспедиции. Чтобы обследовать земли, которые наши моряки в 1741 г. осмотрели лишь мельком, «и наипаче порядочную опись учинить то, и великих всегдашних туманов там не было на таком великом расстоянии, в одну или две кампании учинить невозможно, но потребуетя к тому многова времени, а по состоянию на тамошнем море темного воздуха, едва кажется оное действие произведено быть (может) без бедственных опасностей и потеряния людей».

* *
*

В 1742 г. в Петербург стали поступать подробные материалы о деятельности Камчатской экспедиции. Хотя последняя полностью не выполнила поставленных ей задач, тем не менее достигнутые результаты имели крупное научное значение. Не только была открыта «подлинная» Америка, но и определено расстояние, отделяющее Америку от Азии.

Благодаря плаваниям Чирикова и Беринга было доказано, что легенда о земле Жуана де Гаммы, созданная

¹ Материалы для истории русского флота, ч. IX, стр. 260

географом Жозефом Николая Делилем, является вымыслом.

Теперь уже никто не сомневался в невежестве французского ученого.

Вместе с тем в Петербурге стало известно о крайней нужде и лишениях, которым подвергались участники экспедиции. Но в Петербурге никого эти сообщения не волновали.

Сенат и Адмиралтейств-коллегия перестали заниматься делами экспедиции и не принимали мер для того, чтобы улучшить положение ее участников.

Что же случилось? Почему высшие правительственные органы, которые в течение многих лет поддерживали экспедицию, теперь утратили к ней всякий интерес? Объясняется это многими причинами. Во-первых, после дворцового переворота 1742 г., в результате которого была свергнута регентша Анна Леопольдовна и на престол вступила императрица Елизавета Петровна, к власти возвратились многие лица, находившиеся до этого в опале или в ссылках.

Но на решение вопроса о судьбе экспедиции оказывали влияние и другие обстоятельства. Прежде всего, сказывалось отсутствие денег в казне. Господство бироновщины, расточительность и казнокрадство немцев, стоявших у русского трона в 30—40 годы XVIII в., привели к большим финансовым затруднениям. Между тем внешнеполитическая обстановка достигла крайней степени напряжения.

Начавшаяся в 1741 г. война со Швецией требовала значительных ассигнований на военные нужды. В это же время обострились отношения России с Францией, Австрией и Пруссией. Русское правительство обращало свое главное внимание на укрепление западных границ и удержание завоеванных Петром позиций.

Однако царских сановников из Правительствующего сената интересовали не только вопросы большой политики, но и материальные выгоды. Камчатская экспедиция пока что требовала лишь новых затрат и никаких реальных благ не сулила.

Правительство не могло и не хотело понять, какие огромные перспективы открывает экономическое освоение необозримых просторов Сибири с ее несметными богатствами.

Вершители судеб государства стали склоняться к тому мнению, что дальнейшие затраты на экспедицию производить нецелесообразно.

Чтобы убедить императрицу в необходимости такого решения, был составлен экстракт о деятельности Камчатской экспедиции.

Автор экстракта совершенно игнорировал научное значение экспедиции, всячески подчеркивал ее неудачи.

Предложение Головина использовать при составлении экстракта материалы Чирикова не было принято во внимание.

В экстракте указывалось также, что на экспедицию за десять лет затрачено не менее полутора миллионов рублей. В действительности эта цифра значительно преувеличена.

Характеризуя офицеров, участников экспедиции, автор экстракта представляет их преступниками, почти бандитами.

23 сентября 1743 г. Правительствующий сенат представил императрице Елизавете Петровне доклад о результатах экспедиции Беринга и Чирикова. Приведя ряд доводов в пользу того, что экспедиция приносит лишь убытки, Сенат сделал вывод: «...Ту экспедицию, от которой Сенат нимало плода быть не признавает, надлежит вовсе оставить». Елизавета Петровна 24 сентября наложила на сенатском докладе резолюцию: «быть по сему».

Адмиралтейств-коллегия 26 сентября направила Чирикову и Шпанбергу указ, им было велено «для крайнего в Иркутской и Енисейской провинциях хлебного недостатку, до будущего указа, в морские вояжи более не ездить... и по получении указов, не мешкая не малого времени, и с тех мест со всею командою возвратитца, и быть им всем до указа в сибирских городах, кроме Иркутской провинции, по рассмотрению Сибирской губернской канцелярии... и где б команды их провиантом способнее довольствованы быть могли»¹.

Все суда, принадлежавшие экспедиции, предлагалось поставить в безопасное место, выделив для их охраны надежный караул. Взятых в Иркутской провинции для обслуживания экспедиции «крестьян и других чинов людей отпустить в дома их немедленно, и более провиантов и

¹ Экспедиция Беринга, сб. документов, стр. 372.

материалов и протчаго в ту экспедицию до указа не отправлять и не завозить и для того подвод и работников не забирать».

Далее Чирикову и Шпанбергу приказывалось все карты, судовые журналы немедленно отправить через Тобольскую губернскую канцелярию в Правительствующий сенат. В заключительной части указа содержалось указание на необходимость в «самой скорости» отправить курьера на Дальний Восток, чтобы императорский указ был доставлен Чирикову и Шпанбергу до наступления будущей весны, и «они до приезде того курьеру... в море отправитца не могли».

Несмотря на слабое здоровье, Чириков занялся серьезной научной обработкой материалов двух Камчатских экспедиций. Он сознавал, что большой фактический материал, собранный им и другими мореплавателями о Камчатке, Тихом океане и Северо-западной Америке, получит настоящее значение для науки и практической деятельности людей только после его тщательного изучения и обобщения; этому делу он и отдал все свои силы.

Важнейшим итогом деятельности последних лет жизни Чирикова было составление карты на основе карт, составленных участниками Камчатской экспедиции. Карта Чирикова уточнила местонахождение многих географических пунктов и явилась значительным вкладом в науку.

«Составленная Чириковым карта похода 1741 г. является первой в мире, где Северная Америка показана на основании конкретных данных не как Большая Земля или Большой Остров, а именно как «Северная Америка», — пишет в своем капитальном исследовании член-корреспондент Академии наук А. В. Ефимов¹.

Эта карта изумляла исследователей Тихого океана второй половины XVIII и первой половины XIX в. точностью сведений. Это был результат упорнейшего труда талантливого русского мореплавателя и ученого. В частности, карта давала точное географическое положение Камчатки, на нее были нанесены открытые Чириковым и Берингом Северо-западная Америка и прилегающие к ней острова.

Используя материалы плавания отряда, которым

¹ А. В. Ефимов, Из истории русских экспедиций на Тихом океане, Воениздат, М., 1948 г., стр. 175.

командовал Шпанберг, Чириков нанес на карту также северную часть японского острова Хоккайдо и ряд островов Курильской гряды.

Сведения, собранные мичманами Ртищевым и Шельтингом во время их плавания, позволили нанести на карту западный берег Пенжинского моря, начиная от Охотска, а та часть Северной Америки, которая лежит против Чукотского восточного угла между 65° и 68° с. ш., была переснята с карты геодезиста Гвоздева.

Большое научное значение Камчатской экспедиции Алексей Ильич отлично понимал. Говоря о двух Камчатских экспедициях, он в 1746 г. писал в своем рапорте Адмиралтейств-коллегии:

«Понеже через две Камчатские экспедиции... открылось на малой части земноводного глобуса много земель и островов, о которых до упомянутого времени не было известно, а ныне явственно показывают поданные Адмиралтейств-коллегии упоминаемой экспедиции от морских офицеров карты»¹.

В результате экспедиции была не только открыта Северо-западная Америка, но и определено расстояние между Камчаткой и Америкой. Это расстояние от Петропавловской гавани до американских берегов по прямой линии составляет четыре тысячи двести верст.

Чириков первый из европейцев открыл несколько островов Алеутской гряды и нанес на карту, точно определив их координаты. Он дал подробное описание алеутов, о которых в науке не было никаких сведений².

А. И. Чирикова интересовала не только научная сторона дела, но и проблемы экономического и культурного освоения Дальнего Востока и, в частности, Северо-западной Америки.

Чириков считал, что открытые земли по праву первооткрытия являются достоянием России. Вместе с тем, он учитывал возможность посягательств на русские земли со стороны иностранцев. Глубоко понимая замысел Петра о необходимости укрепления безопасности на Тихом океане, Алексей Ильич предлагал на «приближных от Камчатки берегах, обыскав удобное место, построить бы

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851, стр. 453.

² З. Н. Зубкова, Алеутские острова, Географгиз, М., 1948, стр. 9—10.

там крепость, и приводить тамошних народов ласкою (употребляя осторожность, чтоб самых наших людей не повредили) в подданство державы Российской¹.

Чириков был глубоко прав, высказав мысль о необходимости срочных шагов по освоению Дальневосточного края и укреплению его безопасности. Насколько своевременны были предложения Алексея Ильича, показал весь дальнейший ход событий на Дальнем Востоке.

В конце XVIII в. англичане, а вслед за ними французы и американцы проявляли особенную активность в северной части Тихого океана. Здесь стали появляться китобой, рыболовы, всевозможные экспедиции.

Чтобы придать своим действиям видимость законности, иностранцы приписывали себе честь «открытия» островов, рек, земель давно открытых русскими. О подобных действиях иностранцев с возмущением писали императрице 22 декабря 1786 г. действительный тайный советник граф Воронцов и граф Безбородко: «делаемое англичанами под начальством капитана Кука присвоение реки по имени его названной, открытой прежде него капитаном Чириковым, которую он [Кук] взял во владение на имя английского короля и, выставя флаг, велел зарыть в землю несколько английских денег, равномерно вход принца Вильгельма и острова Ке, что подробно доказуется морскими поденными записками капитана Беринга и Чирикова, которые великое пространство объехали, что яснее осмотрится из карты, сочиненной генерал-майором Соймоновым»².

В том же докладе Воронцов и Безбородко писали:

«Нужно, по мнению нашему, чтобы о присвоении Россиею тех островов с Высочайшего Вашего повеления объявлено было чрез российских министров, при дворах всех морских европейских держав, что сии открытые земли Россиею не могут иначе признаваемы быть, как империи Вашей принадлежащими, а потому и не может здешнее государство допустить чужих туда мореходцев и судов, равно как прочие морские державы в свои селения вне Европы чужих народов не допускают, почитая оное внутренним промыслом и принадлежностью для торгу собственных своих подданных».

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851, стр. 454.

² ЦГАВМФ, ф. Чернышева, д. 408, ч. II, л. 794.

Далее Воронцов и Безбородко указывают, «что такое объявление без существенного подкрепления едва ли достаточным будет, а может еще некоторым образом подвергнуть и достоинство двора», и они внесли предложение для защиты интересов русских промышленников и достоинства России создать военно-морские силы.

Несмотря на исключительные трудности по доставке в Охотск провианта, Чириков в своем рапорте Адмиралтейств-коллегии говорил о том, что необходимо держать на Тихом океане два корабля.

Указывая на большую роль начальника Охотского края, Чириков отмечал, что на эту должность должны назначаться честные люди, «чтобы там командир или воевода был добросовестный, к прибиткам не лакомый и не лихоимственный человек, а радетельный к исканию интереса и общей пользе подчиненных ему людей — природных жителей и русских людей»¹.

Далее он указывает, что поскольку Охотский край является приморским краем, то на должность командира или воеводы следует назначать отставных морских офицеров, «ведомых добрых людей», сменяя их непременно через каждые три-четыре года.

В своем рапорте Алексей Ильич советует развивать на Дальнем Востоке оленеводство и хлебопашество.

Он также рекомендует наладить производство продуктов питания из местных ресурсов, учредив для этой цели «на Камчатке порядочные рыбные ловли, дабы оной довольно было через весь год к пропитанию». Для этого он предлагает посылать туда пеньку для производства сетей, так как сети из крапивы слишком непрочны.

В отчете Чириков даже дает советы, как следует сушить, коптить, вялить и солить рыбу, «чтобы через год же не испортилась и к пище могла быть годна». «Стараться развести хлебопашество, особенно у Верхне-Камчатского острога, которое место признается к тому удобнейшим, причем при расчистке земли «накрепко смотреть», чтобы не сделать пожару по всей земле, и тем истребив леса и траву, не перевести бы зверей и, ежели ячмень и ядрица будут там умножаться, тогда можно туда из Тобольских слобод перевезть сколько надобно

¹ А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851, стр. 464.

будет крестьянства; к тому же посылать туда на житье из подлых людей, осужденных за вины в ссылки и тем от времени до времени умножать жатву хлеба»¹.

Важное значение Чириков придавал реке Амуру, использование которой облегчило бы установление экономических связей между Иркутской губернией и дальневосточными областями России. Чириков был совершенно убежден, что Амур впадает в море, и предлагал доставлять провиант к устью реки, где можно построить город, «ибо ко оному месту, из Иркутской провинции, провианты и всякие материалы можно было без всякого труда отправлять». Чириков высказывал мысль, что в Приамурье по климатическим условиям можно заниматься земледелием: «сеетвою хлеба умножить». Без укрепления влияния России на Амуре: «вновь найденные от Камчатки, в восточной стороне, земли и острова... овладеть, и в подданство Российской державе невозможно ж привести».

В своем рапорте Чириков предлагал отыскать гавани в Пенжинском море, указывал способы отправления провианта из Якутска до Охотска и содержания судов в Охотске для перевозки провианта на Камчатку, и многое другое.

Не забывает Чириков и о населении Д. Востока. Во время первой и второй экспедиций он неоднократно становился свидетелем произвола русских купцов, которые за дешевые безделушки приобретали ценные меха и другие богатства Сибири; бесчинства творили служилые люди, которые чувствовали себя господами положения, взимая с местного населения большой ясак (дань). Нередко сибиряки не выдерживали, нападали на царских чиновников и убивали их. Вот почему Алексей Ильич предлагал «для удержания русских служилых людей от обид местным кочующим народам, запретить самовольные поездки к ним, а за сбором ясака посылать комиссаров; с служилых же людей, по крайней мере в дальних, за Якутских острогах для облегчения сложить подушный сбор. Без особенной нужды аманатов не брать. Приносимых дикарями сверх ясака, дорогих зверей принимать по строгой оценке».

¹ А. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 гг. Записки Гидрограф. департамента, ч. IX, 1851, стр. 466.

Алексей Ильич напоминал, что во время плаваний к американским и якутским берегам русские моряки видели в море много морских зверей — бобров, морских котов, коров, тюленей и китов — и предлагал, чтобы Сибирский приказ посылал охотников, служилых людей и камчадалов на острова, расположенные восточнее Камчатского полуострова. Промышленным людям он советовал давать малые суда, находившиеся в распоряжении экспедиции, или строить новые в Петропавловской гавани. Охотники, отправляемые на промыслы, должны быть подчинены штурманам, которые обязаны точно учитывать все, что добывают промышленники. В целях развития промысла Чириков рекомендовал поощрять промышленников, отдавая им третью долю добытых шкурок пушных зверей, китовых усов, а тюленьи кожи и жир оставлять им полностью.

Чириков усердно разыскивал золото, серебро, медь. Так в рапорте от 7 ноября 1737 г. Беринг писал, что найденная в 1736 г. капитаном Чириковым и шкипером Белым руда была отправлена проф. Гмелину для анализа. Гмелин сообщил, что «на пробе де ни в которой из оных руд ни золота, ни серебра, ни меди не явилось, а токмо во всех явилась сера горючая и по ево де рассуждению от оных руд и пользы иметь невозможно»¹. Но Чириков продолжал поиски. Он был уверен, что в недрах Сибири имеются богатые залежи руд.

Весьма любопытно указание Чирикова на то, как нужно относиться к местному населению в случае, если охотники встретятся с ним на островах. В отличие от многих испанских, португальских и английских путешественников, в целях личного обогащения грабивших народы посещаемых ими стран, Чириков говорит о необходимости гуманного отношения к местному населению: «Ежели, паче чаяния, найдут где жителей, то с ними поступать ласково, и отнюдь никаких обид им не чинить и увещевать их в подданство и давать им недорогие гостинцы». Чириков предлагает распространять просвещение среди народов, принявших русское подданство, «уговаривать лучших людей отдавать своих детей учиться русской грамоте и обучать таковых при монастырях и приходах».

¹ ЦГАВМФ, ф. капитан-командора Беринга, д. 28, л. 1.

Ко всем промышленникам Чириков обращается с просьбой вести записи всего примечательного, что им встретится в пути.

Чириков гордился тем, что благодаря невероятным усилиям русских людей огромные просторы Сибири стали неотъемлемой частью русского государства. «Понеже Сибирь так пространством велика, что одна всей Европе равняется, то не дивно в ней быть, где ни есть, богатым рудам и прочему».

Высказывая уверенность в том, что Сибирь имеет неисчислимы богатства, Чириков предложил программу изыскательских работ. Обследовать необозримые территории Сибири только силами научных экспедиций он считал невозможным, и, как ему было свойственно, сделал смелое и вполне осуществимое предложение. Для изыскания полезных ископаемых он считал необходимым привлечь местных жителей, поручив им сообщать обо всем, что им придется увидеть. Кочевников, «ежели что откроется таким образом, то открывателей награждать».

В своих предложениях Чириков затронул множество важных и интересных проблем. Так, во время своего пятнадцатилетнего пребывания на Дальнем Востоке он наблюдал, что частые лесные пожары наносят огромный вред лесному и пушному хозяйству, и потому предлагал принять меры для охраны лесов от пожаров.

* *
*

Здоровье Чирикова было сильно подорвано, и он неоднократно обращался в Адмиралтейство с просьбой о переводе его в Петербург.

В своих рапортах Чириков писал, «что он находится ныне в крайней слабости здоровья своего; к тому же и от цынготной болезни, которая настигла его в бытность в Камчатской экспедиции, совершенно не освободился, понеже от оной и поныне некоторые зубы у него трясутся; також вышеозначенной экспедиции лекари показывают в нем и чахоточную болезнь». Наконец, Правительствующий сенат 6 марта 1744 г. принял решение, в котором говорилось: «Обретающегося в Камчатской экспедиции от флота капитана Чирикова, ежели до него каких тамо дел не иметца быть в Санкт-Петербург

к команде а тамо оставшую ево команду велеть другому». Этот указ был получен 31 октября, но лишь 29 июня 1745 г. Чириков, находившийся в то время в Енисейске, сдал «команду как морских, так и адмиралтейских и протчих служителей також денежную казну, припасы и письменные дела и о содержании всего оног поручил флоту лейтенанту Вакселю»¹.

Восемнадцать лет жизни отдал Алексей Ильич изучению Сибири и Тихого океана. Он хотел, чтобы и его преемники с такой же настойчивостью, как он, продолжали начатое дело по экономическому и научному освоению богатейшего края.

В инструкции Чирикова Вакселю, содержащей 23 пункта, имеется много ценных указаний на этот счет.

Его прежде всего волнует вопрос о том, чтобы великие открытия, сделанные русскими, составленные ими карты, описания и пр. не попали бы в руки враждебно настроенного к России иноземца. Поэтому в инструкции, составленной на имя Вакселя, А. И. Чириков строго-настрого предупреждает своего преемника о необходимости содержать все в тайне.

Вот что говорится в двадцать третьем заключительном пункте инструкции:

«О делах, которые в тайности подлежат в государственных делах оног отнюдь в партикулярных письмах ни к кому не писать, ни же к тому от кого отправлен, кроме настоящих реляций, а ежели какое препятствие от кого в том или оног будет вашему делу, то писать вольно куда заблагорассудите, только упоминая о врученном вам деле генерально, от чего оному повреждение есть, также ежели случатся дела посторонние тайне подлежащие, а в реляциях к тому от кого отправлен писать будет за каким подозрением невозможно то вольно писать кому в том поверите, а о врученном своем никак инак только как выше писано под жестоким наказанием по вине преступления и сей пункт посланным от вас всякому в инструкциях писать».

Приведенная выдержка из инструкции показывает, что А. И. Чириков был горячим патриотом, который глубоко понимал значение открытий камчатских экспедиций для России.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 51, л. 531.

Этот документ представляет интерес и как памятник исключительного благородства и честности А. И. Чирикова.

Озабоченный тем, чтобы его подчиненные, переносившие вместе с ним все лишения, не были бы обижены, Алексей Ильич предлагает Вакселю выплачивать служителям все, что определено регламентом, ничего не задерживая, — «впредь хлебного жалования извольте требовать на служителей вперед помесечно, а на офицерских денщиков наперед же по третям года».

Он знал каждого участника экспедиции, и труд любого честного человека ценил высоко.

О его чуткости к подчиненным, его нравственном облике говорит следующий факт: в качестве писаря у Чирикова служил Иван Редин, присланный из сибирской губернской канцелярии. А. И. Чириков предложил отпустить Ивана Редина по выполнении им порученного дела «в сибирскую канцелярию... или куды пристойно будет,... дав ему надлежащую рекомендацию, что он будучи долгое время при главных делах Камчатской экспедиции исправлял, что надлежало бы исправлять доброму секретарю со всяким прилежанием и неусыпным трудом беспорочно, о чем и от меня ему дана надлежащая по доброй совести моей рекомендация, пока же иного награждения за многие его труды учинить силы не имею»¹.

В другом месте Алексей Ильич говорит о том, что геодезисту Ивану Киндякову, произведенному в прапорщики, все еще выплачивают по три рубля в месяц, в то время как его однокашники по Академии, хотя работают в Петербурге, но получают в два раза больше, чем Киндяков. Подобная несправедливость вызвала глубокое возмущение Алексея Ильича.

Предлагая Вакселю добиться исправления этой несправедливости, Чириков подчеркнул, что Киндяков «за получением малого жалования вошел во многие долги и претерпевает крайнюю нужду», — поэтому Чириков считал необходимым выделить геодезисту сто пятьдесят рублей «в зачет заслуженного им по тому рангу денежного жалования».

Здесь же он дал Киндякову, который с исключительным усердием исполнял возложенные на него обязанно-

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. № 65, инструкция Вакселю, подлинник.

сти геодезиста, характеристику. Алексей Ильич писал, что «Киндяков и в бытность свою в моей команде геодезическую должность против своей братьи исправлял изрядно и карты делал и снимал довольно, да и сверх того приход и расход денежной казны держал порядочно. Чего ради в прибытие мое в Петербурх и я должен в Государственную Адмиралтейскую коллегию представить, чтоб к команде о пожаловании его в геодезии прапорщики и о даче ему против прочих бывших служителей в Камчацкой экспедиции денежного жалования послал бы ея императорского величества указ». 4 августа 1745 г. Чириков отправился в Петербург, куда прибыл 13 марта 1746 г.

В том же году Чириков был произведен в капитан-командоры. 18 июня 1746 г. по указу Адмиралтейств-коллегии Чириков был определен в присутствие Академической экспедиции вместо Нагаева, получившего назначение в Балтийский флот. Чирикову поручалось ведать школами. Уже тот факт, что Чирикова назначили вместо Нагаева, который был известен своими учеными трудами, говорит о том, что Алексея Ильича признавали как крупного ученого. Вскоре Чириков получил назначение в Москву, где еще при Петре была создана Контора Адмиралтейств-коллегии.

В конце ноября 1748 г. Чириков умер. В связи с этим Адмиралтейств-коллегия 7 декабря того же года вынесла решение следующего содержания: «Понеже бывший там капитан-командор Чириков умре, приказали:... к подписанному управлению в Москве адмиралтейских дел в присутствие послать из Комиссариатской экспедиции советника князя Волконского»¹. Жил он в крайней нужде, поэтому после смерти у него осталось много долгов. В течение многих лет дети Алексея Ильича рассчитывались за долги своего отца, но так и не могли рассчитаться.

Испытывая крайнюю нужду, дети Чирикова в 1763 г. вскоре после вступления на престол Екатерины II, подали челобитную в Сенат. В протоколе Сената от 1 августа имеется запись о том, что в присутствии императрицы была слушана челобитная капитан-командора Чирикова детей о «невзыскании с них за службы отца,

¹ Материалы для истории русского флота, ч. X. стр. 37.

который в бытность свою в Камчатской экспедиции умре, имеющегося на них просителях по дворянскому банку долга 4 000 рублей, которых оне не только по бедности своей заплатить, но и дневной пищи не имеют»¹.

Участь Чирикова не была исключением. Не мало выдающихся деятелей науки влачило в царской России жалкое существование.

* *
*

В многочисленных плаваниях и путешествиях ярко проявился характер русского человека, его разносторонние интересы к познанию тайны природы и подчинению ее своей воле и разуму.

Русские мореплаватели, преодолевая невероятные трудности, выявили величие духа и способность к перенесению лишений.

Советские люди высоко оценивают подвиги наших моряков, ибо «доблестные подвиги русских моряков, славные вековые традиции русского флота составляют предмет нашей советской национальной гордости»².

Среди русских мореплавателей и ученых, сыгравших огромную роль в развитии отечественной науки, А. И. Чириков занимает почетное место. С его именем тесно связаны великие географические открытия Первой и в особенности Второй Камчатской экспедиций. Несмотря на большие заслуги Чирикова, имя его было предано забвению так же, как и имена многих других русских мореплавателей.

За 200 лет, прошедших со дня смерти Чирикова, не было опубликовано ни одного исследования, посвященного его жизни и плодотворной деятельности.

Большинство исследователей Камчатских экспедиций ограничивалось лишь указанием на то, что Чириков был искусным, отважным мореплавателем, и не давали подробной характеристики его научной деятельности. В этом сказывалась, часто намеренная, недооценка роли отечественных мореплавателей, — что явилось отражением неверия дворянства и буржуазии в творческие возможности русского народа и раболепия господствующих

¹ Библиографические записки. СПб., 1861, т. 3, № 12.

² «Правда», передовая. 15. VIII. 1948 г.

классов перед иностранщиной. Незначительные путешествия иностранных мореплавателей, которым нередко приписывались открытия русских моряков, высоко превозносились, в то время как крупные открытия отечественных мореплавателей замалчивались.

Прогрессивные деятели науки, отстаивая интересы своего народа, честь и достоинство России, вели борьбу против искажения исторической правды и умаления значения открытий русских мореплавателей.

Еще в XVIII в. Михаил Васильевич Ломоносов писал, что А. И. Чириков был главным руководителем Второй Камчатской экспедиции. Это высказывание гениального русского ученого объясняется именно тем, что только одного Беринга всегда слишком возвеличивали, а о Чирикове умалчивали.

В середине XIX в. вновь всплывает вопрос о роли Чирикова в Камчатских экспедициях. Так в январе 1848 г. академик-натуралист Бэр прочитал доклад в Географическом обществе, а затем опубликовал статью о заслугах Петра I в распространении географических познаний. Главное внимание Бэр уделил Камчатским экспедициям, отмечая заслуги лишь Беринга. Имя Чирикова он упомянул вскользь, говоря о нем в следующих выражениях.

«Чириков был счастливее. Разлученный бурей с Берингом, он достиг Америки, и выслал на берег два бота с людьми, которые никогда более не возвращались. Сам он с остальным экипажем возвратился благополучно в Камчатку и в Европу, где впрочем также вскоре умер».

В ответ на статью Бэра морской историк Александр Петрович Соколов выступил с большой и документально аргументированной статьей «Чириков и Беринг», опубликованной в двух номерах «Северной пчелы» за 1849 г.

Используя архивные материалы и главным образом шканечные журналы пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел», Соколов показал, что Чириков превосходил своего начальника как в области морского искусства, так и в научном и нравственном отношении. Шканечный журнал, который вел сам Чириков, показывает, что он был ученым разносторонних интересов. В журнал занесено много ценных наблюдений, представляющих интерес для мореплавателей, этнографов, географов и

ученых других областей науки. В том же году Бэр в «Русском инвалиде» опубликовал полемическую статью, в которой он отстаивал свои прежние взгляды; при этом он упомянул о том, что готовит более обстоятельную работу по этому вопросу, которую издаст на немецком языке. На это Соколов заявил: «Я считаю себя не в праве объявлять моих разысканий на чужом языке, прежде чем они будут обнародованы на отечественном языке»¹.

* *
*

В царской России имя А. И. Чирикова было забыто так же, как и имена замечательных мореплавателей: С. И. Дежнева, братьев Д. Я. и Х. П. Лаптевых, Г. И. Невельского и многих других.

Советские ученые-патриоты открыли народу все величие и значение научных подвигов наших славных предков, имена которых являются предметом национальной гордости советских людей.

«...Все действительные достижения культуры народов, как бы они далеко не уходили в прошлое, высоко ценятся в социалистическом государстве и встают теперь перед своим народом и перед народами всего Советского Союза возрождёнными, в своем действительном идейном блеске. Большевики не из числа людей, не помнящих родства с своим народом. Мы, большевики, вышли из самой гущи народа, ценим и любим славные дела истории своего народа, как и всех других народов...», — сказал В. М. Молотов в своем докладе, посвященном 22-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Для советских людей А. И. Чириков будет всегда служить примером мужества, преданности Родине и интересам своего народа, а его плавание — замечательным образцом мореходного искусства.

¹ А. Соколов. Ответ академику Бэру по вопросу о Беринге и Чирикове «Сев. Пчела», 1849, № 133.



Редактор *Б. В. Юсов*
Технич. редактор *И. Н. Ривина*
Обложка художника *И. А. Костылева*

Сдано в производство 28/II 1949 г. Подписано
к печати 29/IV 1949 г. А05010. Формат 84×108^{1/2}/₃₂
Заказ 1431. Тираж 50 000. Печатных листов 7^{1/2}/₄.
Учетно-изд. лист. 6,22. Цена 1 р. 90 к.

3-я тип. «Красный пролетарий» Главполиграф-
издата при Совете Министров СССР. Москва,
Краснопролетарская, 16.

Цена 1 руб. 90 коп.